Седьмая руна

Автор:
Екатерина Каблукова

Седьмая руна

Екатерина Каблукова

Женщина-некромант как морская свинка – ни к свиньям, ни к морю отношения не имеет. Более того, порядочным девицам следует выходить замуж и вести благопристойный образ жизни, а не бегать по кладбищам и поднимать усопших. Так уверенно все общество Паризьенны, кроме Этьена Богарне.

Выросший в трущобах полисмаг привык полагаться лишь на свое мнение, и когда в городе появляются обескровленные тела, он привлекает к расследованию Франсуазу д’Эгре – дипломированного некроманта и просто красавицу.

Общество в шоке, префект полиции негодует, но если эти двое взялись за расследование, то доведут его до конца.

И им не помешает даже любовь!

Екатерина Каблукова

Седьмая руна

Пролог

– И, конечно, помните, что женщина-некромант как морская свинка: ни к свиньям, ни к морю отношения не имеет, – профессор Ле Шовен дождался смешков в аудитории и только тогда сам ухмыльнулся в черную бороду, кудрявость и густота которой, казалось, компенсировала обширную лысину.

Франсуаза д’Эгре украдкой закатила глаза. Работая личным ассистентом профессора кафедры некромантии уже три года, она почти ежедневно слышала эту шутку.

Как-то реагировать или злиться на Ле Шовена было глупо: он всего лишь отражал мнение старшего поколения, до сих пор считавшего, что женщина – существо слабое в том числе и разумом, и что особам женского пола стоит выйти замуж и заниматься хозяйством, а не получать образование в академии. Особенно если это Суар де Бонне – старейшая академия Галлии.

Устоявшееся мнение не смогли поколебать ни королевские указы, разрешившие девушкам получать образование в магической академии наравне с мужчинами, ни результаты тех, кто рискнул и пошел учиться.

Оскорбленные преподаватели чинили адепткам кучу препятствий: задавали задания повышенной сложности, валили на экзаменах, да и просто всегда нелестно отзывались об умственных способностях особ женского пола, провоцируя на скандал.

Франсуаза была одной из немногих девушек, кто выдержал все и дошел до конца. Но, завершив учебу и получив диплом с отличием, она столкнулась с другой проблемой: никто не желал брать ее на работу.

Общество считало, что девушке не пристало раскапывать могилы и бегать по ночам по кладбищу, упокаивая умертвия. Более того, некроманты, яростно защищавшие свою профессию, добились принятия указа, запрещающего женщинам практиковать на кладбищах.

Впрочем, большинство адепток и сами боялись умертвий, выбирая для изучения целительство или бытовую магию.

Франсуаза д’Эгре мыслила иначе. Хотя от лопаты на руках появлялись мозоли, а бегать по кладбищу было неудобно из-за пышной юбки, так и норовящей

запутать ноги. Но указ есть указ, и девушка предпочла работать в академии, тем более что профессор Ле Шовен предложил стать его личным ассистентом.

Франсуаза не питала иллюзий, почему именно ей поступило это предложение: впечатленный ее дипломом Ле Шовен попросту переложил на нее всю свою научную работу, без зазрения совести присваивая результаты.

Франсуаза терпела, поскольку взамен она получала профессорский доступ к академической библиотеке и возможность проводить исследования. Благо академия часто сотрудничала с полисмагическим управлением Паризьенны, и материала, то есть неопознанных родственниками тел, было хоть отбавляй. За два года работы перешептываний за спиной и недовольных взглядов поубавилось, но все равно Франсуаза то и дело ощущала скрытое недовольство коллег.

– Мадемуазель д’Эгре! – грозный окрик профессора вывел ее из задумчивости. Франсуаза торопливо встала и направилась к специальному возвышению, накрытому простыней, под которой угадывались очертания человеческого тела. Адепты замерли, вытянув шеи.

Девушка знала, что под простыней всего лишь иллюзия, способная напугать особо впечатлительных первокурсников и дать им возможность подумать о выборе специализации, пока еще не поздно.

Сама она, к досаде преподавателей, в первый раз внимательно рассматривала труп, а вот двое из ее группы упали в обморок.

– Итак, вот то, с чем вам предстоит работать!

Подчиняясь жесту профессора, Франсуаза сдернула простыню и ахнула: вместо привычной иллюзии на постаменте лежала мертвая девушка. Обнаженная. Франсуаза внимательно рассматривала ее. Золотистые волосы еще не успели потускнеть и шелковым водопадом струились до самого пола, губы посинели, а белоснежная кожа была сморщена, словно у старухи. В голове промелькнули воспоминания о сказках, где ведьма выпивает у красавицы все силы. Франсуаза тряхнула головой, прогоняя наваждение. В конце концов она почти ученый и не должна верить в сказки о злой колдунье.

Адепты тем временем метались по аудитории. Кто-то подался вперед, жадно всматриваясь в некогда красивое тело, двое метнулись к ведру, специально поставленному в углу для этих целей. Судя по звукам, молодые люди все-таки проигнорировали предупреждение не завтракать и теперь сполна расплачивались за свою браваду.

Все еще держа в руках простыню, Франсуаза вопросительно посмотрела на профессора, ожидая распоряжений. Ле Шовен ответил ей потрясенным взглядом. Девушка заметила, что профессор побледнел, а дыхание стало прерывистым. На лбу выступили капельки пота.

– Что за… – прошептал он и, опомнившись, взревел так, что его было слышно по всей академии. – Кто подменил тело?!!

Глава 1

Оглушительно грохоча, самоходный фиакр несся по улицам Паризьенны. Из-под него вырывались сизые клубы дыма. При виде этого чуда техники и магии лошади шарахались, извозчики ругались, а прохожие осеняли себя знаком благодати. Резкий поворот заставил водителя ударить по тормозам. Пронзительный визг перекрыл шум улицы, кабину закачало так, что показалось, она вот-вот рассыпется.

Напуганные вороны с противным карканьем вспорхнули с крыши, одна из них нагадила на голову солидному прохожему в шляпе-котелке. Он нахмурился и погрозил кулаком вслед фиакру, но экипаж уже скрылся в сизом мареве выхлопных газов.

Перед высокой аркой, ведущей в академию магии, фиакр остановился, недовольно подрагивая. Водителю пришлось несколько раз громко просигналить, чтобы зазевавшийся привратник спохватился и наконец открыл чугунные ворота, над которыми возвышался золоченый вензель – причудливо переплетенные «С» и «Б».

Мотор снова оглушительно зарычал, и под восторженные взгляды адептов фиакр, почти не сбавляя скорости, выскочил из арки во двор, промчался по брусчатке и резко затормозил у ступеней, ведущих к крыльцу. Еще один хлопок, напоминавший выстрел, и экипаж затих, напоследок выпустив клубы дыма, которые заволокли весь двор.

Не обращая внимания на серую завесу, водитель вышел из экипажа и снял шлем, заменив его фуражкой полисмага, одернул черный мундир с серебряными нашивками на воротнике-стойке и недовольно посмотрел внутрь фиакра:

– Пьер, ну где ты застрял?

– Этьен, мог бы и потише, не дрова везешь! – проворчал второй полисмаг, вылезая с пассажирского места. Его кожа была зеленоватого оттенка. То ли полисмаг был родственником ламий – водных дев-утопленниц, затягивающих зазевавшихся путников в водоемы, то ли его просто укачало.

– Ты вечно недоволен! – лениво отозвался Этьен, оглядываясь по сторонам. Заметив, что и преподаватели, и адепты приникли к окнам, внимательно наблюдая за тем, что происходит во дворе, полисмаг усмехнулся. – А, профессор Копен! Вижу, вы воплотили свою давнюю мечту и стали деканом!

Последняя фраза предназначалась высокому седовласому мужчине в черной мантии, вышедшему на крыльцо. Золотая кайма на ней свидетельствовала о высоком звании. Видимо, декан факультета лично решил поприветствовать стражей порядка.

– Этьен Богарне! – произнося имя, профессор скривился, словно надкусил лимон. – Вы? Кто бы мог подумать?

– Капитан Богарне, – поправил его полисмаг. – И уж вы-то могли подумать, если бы соблаговолили совершить это нехитрое действие.

– Вижу, вас так и не научили уважению к старшим.

– Не думаю, что вы старше меня по званию! – отмахнулся полисмаг. – Ладно, за работу! Где тело?

Он устремился к чугунным дверям, на которых был изображен герб академии: открытая книга над перекрещенными мечами, символизирующая торжество знаний над силой. Декан неодобрительно поджал губы, но послушно поплелся следом.

Огромный холл с мраморной лестницей и мозаичными панно на стенах заставил Пьера ахнуть от восхищения.

Профессор Копен надменно усмехнулся. Этьен зло покосился на него, но промолчал. В отличие от Пьера, дослужившегося до звания лейтенанта из низов, Этьен Богарне в свое время имел честь окончить боевой факультет магической академии Суар де Бонне, но не любил вспоминать годы учебы.

Внебрачный сын маркиза, он вытерпел слишком много: издевки со стороны однокурсников, пренебрежение преподавателей, – и поэтому не испытывал трепета, поднимаясь по мраморным ступеням.

К удивлению Этьена, центральная лестница была пуста, как и коридор, по которому они прошли к аудитории. Нахмурившись, капитан Богарне внимательно посмотрел по сторонам и заметил тонкие магические щиты-паутины, которыми были закрыты боковые проходы. Видимо, у декана или у кого-то еще хватило ума отсечь зевак. Оно и к лучшему.

Присматриваться к плетениям полисмаг не стал, проследовал знакомым путем и остановился у массивной двери, обитой серебром.

– Ничего себе, – при виде такой роскоши Пьер присвистнул. – Я думал только у нас в морге такое!

– Не только, – мрачно обронил Этьен, поглядывая в сторону сопровождавшего их декана. – В академии несколько прозекторских, где проходят практические занятия по некромантии.

– Да, Вернье мне как-то говорил, что мертвяки боятся серебра, – Пьер, поняв, что сплоховал, говорил как можно более небрежно.

– Не только. На первом курсе всегда найдется пара ребят, кто в панике пытается выбежать, как только покойник встанет, – привычно пояснил декан. – Серебро впитывает в себя их магию.

– Если младшие курсы могут нанести такой урон, то где же проходят занятия для старших? – хохотнул Пьер.

Профессор Копен наигранно закатил глаза, демонстрируя, что утомлен разъяснениями простых истин.

– На кладбище, – проинформировал Этьен приятеля и дернул дверную ручку. – Интересно, зачем они заперлись? Эй! Открывайте! Полисмагическое управление!

Последние слова оказались лучше любого заклинания. Дверь распахнулась.

– Капитан, – возникший на пороге полисмаг отсалютовал Этьену.

– Сержант… – кивнул тот, силясь вспомнить, встречались ли они раньше.

– Сержант Тома, – подсказал полисмаг, чем заслужил еще один благодарный кивок. – Мы встречались три года назад. Дело о человеке со шрамом. А это мой коллега Жан Моро.

– Капитан, – второй сержант поприветствовал прибывших.

– Да, верно, – Этьен сделал вид, что вспомнил. Работая в главном управлении, капитан Богарне давно перестал запоминать и имена районных полисмагов, и дела, которые расследовал. Первые менялись слишком часто, а вторые… Вторые слишком тревожили в кошмарах.

– Работаете в центральном участке?

– Так точно. Под началом капитана де Гра.

Этьен кивнул, прикидывая в уме, какие препоны будет ему чинить начальник центрального участка. С момента поступления в академию, он умудрился перебежать дорогу сразу двоим представителям славной фамилии. Первый раз –

Лионелю де Гра, получив стипендию, на которую тот рассчитывал, и второй раз – самому капитану, придя работать сразу в главное управление на должность, которую тот мечтал занять. И хотя оба раза все происходило по-честному, это не помешало братьям затаить злобу на безродного выскочку, как они за глаза называли капитана Богарне. И вот теперь убийство в академии.

Заметив, что полисмаги переминаются с ноги на ногу, Этьен предпочел перейти к делу.

– Что у вас?

– Неопознанное тело. Женщина, возраст непонятен, причина смерти тоже! – сержант посторонился, позволяя войти.

– Следы насилия?

– Визуально нет. Поэтому мы вас и вызвали.

– Хорошо.

По правде, ничего хорошего не было. Де Гра попросту желал сбагрить бесперспективное дело, поэтому и перенаправил все в управление.

Нехотя Этьен переступил порог и обвел взглядом аудиторию. Воздух был холодным, точно в морозный день. Это хорошо, значит процессы разложения тканей замедлятся.

Ослепительно белые стены, холодный магический свет, льющийся с потолка, возвышение, на котором лежало накрытое простыней тело. Замерзшие адепты тихо сидели за партами. Белая кайма на их мантиях давала понять, что это первый курс. Наверняка, одно из первых занятий. При виде полисмагов из центрального управления глаза адептов округлились еще больше.

Этьен хмыкнул. Не повезло ребятам. Или повезло, тут уж как посмотреть. В любом случае, судя по бледным лицам и растерянным взглядам, большинство из них задумается о выборе специализации.

– Этьен Богарне! Что вы здесь делаете?

Срывающийся от испуга голос заставил поморщиться.

– Профессор?

Ле Шовен подбежал к бывшему ученику, схватил ладонь и потряс. Руки преподавателя подрагивали, а на залысинах блестели капельки пота.

– Это… это так ужасно! Кто-то подменил тело… Хорошо, что мы не начали демонстрацию!

Краем глаза Этьен заметил, что полисмаги с удивлением переглядываются. В их понимании некроманты, имеющие дело с мертвыми, не должны были так реагировать на очередной труп.

Пьер попытался обратить внимание напарника на странную реакцию, но Этьен только отмахнулся. В отличие от остальных, он прекрасно знал, что в Суар де Бонне профессора вели только лекции, а на кладбища с адептами ходили младшие преподаватели и ассистенты.

Он так же понимал, что руководство академии, дорожа репутацией учебного заведения, с радостью скрыло бы происшествие, избавившись от неопознанного тела, но на лекции присутствовало слишком много народа, поэтому пришлось вызвать полисмагов.

Ректор Суар де Бонне лично заручился поддержкой префекта. Тот, в свою очередь, счел, что никто не возьмется за дело с такой тщательностью и деликатностью, как бывший адепт. А поскольку де Гра отказался, префект перевел все в управление и лично назначил капитана Богарне вести следствие. По всей видимости, начальник полисмагического управления не учел, что именно капитан Богарне не питает трепетных чувств к академии и не станет идти на сделку, и скрывать нарушения.

Отказываться, как это сделал его заклятый враг, Этьен не стал, хотя не питал иллюзий относительно того, что мундир полисмага поможет ему избежать насмешек и сплетен за спиной. Поэтому следовало быть крайне внимательным и

замечать любую мелочь, а это у капитана Богарне всегда получалось неплохо.

– Надеюсь, здесь ничего не трогали? – он подошел к телу, накрытому простыней.

– Я распорядился оставить все как есть, – подтвердил сержант Моро. – Только труп пришлось спрятать из-за адептов.

Криво усмехнувшись, Этьен взглянул на притихших первокурсников. Похоже, начало этого семестра запомнится им навсегда.

– Рассматривали голую женщину? Никогда не видели? – ухмыляясь поинтересовался Пьер и заслужил от напарника суровый взгляд.

– Не в том дело. Там… там трудно описать, – продолжил сержант.

– Мы вызвали некроманта из управления, – отрапортовал Тома. – Он проверит все.

Словно в ответ из-за кафедры раздался смешок. Этьен повернулся и замер, встретившись взглядом с самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел. Волосы цвета спелой пшеницы, стянутые в тугой узел, подчеркивали изящество длинной шеи, глаза цвета морской волны притягивали, словно два омута. Даже легкая горбинка на носу не портила лицо, а лишь придавала определенный шарм.

Скромное серое платье, украшенное белоснежным воротником, не могло скрыть соблазнительных очертаний фигуры.

Этьен вдруг понял, что непростительно долго рассматривает ее.

– Прошу прощения, мадам… – начал он.

Красавица приподняла брови и улыбнулась, словно была на светском приеме, а не в академии.

– Мадемуазель, – поправила она.

– Простите, – повторил капитан, начиная злиться на самого себя за глупость. – Мадемуазель?..

– Я мадемуазель д’Эгре, ассистентка профессора Ле Шовена, – совершенно правильно истолковав вопрос, она подошла и по-мужски протянула руку. – Очень приятно…

Она не сказала стандартное: «К услугам вашим», – но в ее устах это прозвучало бы слишком двусмысленно. Этьен кивнул и осторожно коснулся узкой ладони. До него доходили слухи о нескольких девушках, которые смогли закончить Суар де Бонне, но он и не знал, что кто-то из них смог получить диплом по некромантии.

– Капитан Богарне, – в который раз представился он. – Я буду вести расследование.

– Я поняла, – мадемуазель д’Эгре выжидающе взглянула на полисмага, в глазах мелькнули огоньки смеха, а Этьен осознал, что все еще удерживает ее руку в своей.

– Простите, – он быстро разжал пальцы.

Франсуаза склонила голову, судя по улыбке, она прекрасно понимала, какой эффект вызывает ее внешность. Полисмаг скрипнул зубами и поклялся сам себе, что с мадемуазель д’Эгре его будут связывать только деловые отношения.

– Д’Эгре, – пробормотал Пьер, – уж не родственница ли вы графа Гастона д’Эгре?

Девушка нахмурилась:

– Это как-то относится к убийству?

Пьер смутился:

– Н-нет, но…

– В таком случае не лучше ли вам приступить к исполнению своих обязанностей?

Этьен нахмурился. Он вспомнил, что дочь графа д’Эгре действительно была в числе тех девушек, кто поступил в Суар де Бонне. Странно, что граф и графиня позволили ей сначала учиться, а потом и работать в академии.

Еще и ассистентом профессора, питавшего слабость к хорошеньким мордашкам. Хотя именно эта слабость могла объяснить все, кроме одного: что такая красавица нашла в лысеющем толстом профессоре. И почему граф д’Эгре до сих пор не вмешался.

Но капитан Богарне прибыл в академию не для того, чтобы выяснять порочащие связи. Он повернулся к возвышению, приподнял простыню и убедился, что на теле нет одежды, и обвел взглядом адептов. Перепуганные больше полисмагами, чем происшедшим, они во все глаза следили за действиями стражей порядка.

Мрачно усмехнувшись, Этьен поднял край простыни, открывая лицо и плечи жертвы. Над головой послышались сдавленные охи, а один из адептов, вихрастый юноша, закатил глаза и сполз под парту.

Пьер направился к нему.

– Кто-нибудь ее знает? – холодно поинтересовался капитан. Судя по вытянутым физиономиям, даже если кто-то и был знаком с девушкой при жизни, то сейчас вряд ли вспомнил бы это.

– Боюсь, капитан, адепты слишком потрясены случившимся, чтобы мыслить здраво, – вмешалась ассистентка профессора. Она так и осталась стоять за спиной полисмага, с интересом наблюдая за его действиями. – К тому же они замерзли, поскольку сидели здесь больше часа, ожидая вашего прибытия.

В ее голосе слышался упрек.

– Мы просто… – начал оправдываться Пьер, но Этьен оборвал его.

– Тома, Моро, выведите адептов в другое помещение! Обождите, пока они согреются, перепишите личные данные и отпустите, мы допросим их позже!

– Да, но как это сделать? – пробормотал полисмаг, затравленно смотря на молодых людей.

– Думаю, декан Копен вам поможет, у него есть список курса, – предложила Франсуаза, которую порядком утомила эта суета. Она взглянула на тонкие золотые часы на запястье и вздохнула, понимая, что остальные дела, запланированные на сегодня, придется отложить. – Наверное, мне стоит проследить самой.

– Нет! – Этьен сказал это резче, чем хотелось. – Вы останетесь, как и профессор Ле Шовен!

Он ожидал возражений, но их не последовало.

– Как вам будет угодно, – девушка натянуто улыбнулась и отступила.

– Господа, прошу! – засуетился декан.

Адепты послушно направились к дверям. Как только они переступили порог, коридор наполнился гвалтом. Голоса полисмагов, призывающих к порядку, моментально потонули в нем. Показалось, или ассистентка профессора покачала головой, сочувствуя стражам порядка.

– Приступим! – Этьен полностью сдернул простыню и начал внимательно осматривать тело. – Пьер, записывай: женщина лет тридцати, визуальных следов насилия не обнаружено… Профессор, наш некромант запаздывает. Вы сможете извлечь остатки анимы?

Последнее предназначалось Ле Шовену. Анима – часть ауры, которая на сутки оставалась в теле жертвы. Её изучение могло помочь следствию и ответить на ряд вопросов.

– Ну… э-э-э… – замялся преподаватель. – Видите ли, прошло много времени… И я не уверен…

– Неужели? – процедил Этьен.

– Я уже сделала, – перебила его ассистентка. – Реторта на моем столе. С красной крышкой. И девушку не насиловали.

– Откуда вы знаете? – Этьен кивнул, приказывая Пьеру взять реторту, внутри которой метался огонек анимы.

– Что именно?

– Все. С чего вы решили, что жертва – девушка, еще и невинная! Она ж вся в морщинах!

Франсуаза улыбнулась, и Пьер, ослепленный этой улыбкой, едва не выронил реторту. Этьен с трудом удержался, чтобы не пихнуть друга в бок.

– Видимо, вы плохо слушали лекции по некромантии, капитан, – насмешливо произнесла мадемуазель д’Эгре. – Иначе поняли бы, что морщины – следствие потери тургора, упругости кожи. Девушке не больше двадцати. Кто-то просто сцедил из нее всю кровь.

Она замолчала с улыбкой наблюдая за полисмагами. Оба мужчины потрясенно смотрели на девушку, пытаясь принять как факт, что красавица-блондинка оказалась еще и умной. Ле Шовен недовольно сопел у кафедры. Он как раз не слишком жаловал, когда ассистентка позволяла себе показать свой ум.

– Допустим, вы правы, – Этьен опомнился первым. – Но тогда где рана?

Он демонстративно осмотрел руки жертвы: сначала одну, а потом другую.

– Скорее всего, под коленом, там вена проходит близко к коже, – Франсуаза спокойно обошла возвышение. – Вы понимаете, что это значит?

– Что это может значить? – Пьер как завороженный следил за красавицей.

– Кровь, болван, – подал голос мрачный как туча Этьен. – Мадемуазель д’Эгре намекает, что кому-то понадобилась кровь девственницы…

Глава 2

Домой Франсуаза возвращалась затемно. Несмотря на позднее время, жизнь в студенческом квартале бурлила. Фонарей на узких улицах почти не было, но их с лихвой заменял яркий свет, льющийся из окон многочисленных таверн.

Оттуда же доносились музыка и громкий смех, часто перекрываемый визгливыми голосами продажных девиц.

Шлюхи часто захаживали в квартал в надежде на дармовую выпивку и зелья против зачатия.

И то, и другое было очень низкого качества, поэтому в тавернах часто вспыхивали ссоры, которые перерастали в уличные драки. Судя по шуму, одна из них вот-вот должна была начаться.

Франсуаза поморщилась и подхватила юбки, старательно обходя зловонную лужу, происхождение которой не вызывало сомнений. Хоть бургомистр и требовал штрафовать тех, кто оскверняет улицы города, очень часто помои с верхних этажей выплескивались на мостовые.

Обходя лужу, Франсуаза слишком приблизилась к стене дома. В этот момент дверь таверны распахнулась и проем полностью заслонила мужская фигура.

– Привет, красавица! – судя по заплетающемуся языку, его обладатель был изрядно пьян. – Куда торопишься?

Он попытался ухватить девушку за талию, но она ловко увернулась.

– Осторожнее, Жан-Жак! Не то упадешь!

– Фран… Франс… Франсуаза… это ты? – мужчина вздохнул.

– Ты разочарован?

Будь это любой другой знакомый, Франсуаза бы просто обратила все в шутку, но это был Жан-Жак. Девушка еще могла бы смириться, что он, не блистая умом, получил должность ассистента декана. Профессор Копен специально окружал себя людьми, на фоне которых выглядел особенно умным. Но Жан-Жак вечно приставал к Франсуазе, считая ее завидной добычей. От решительных действий его останавливало только знатное происхождение девушки. Ассистент декана, как бы глуп он ни был, прекрасно понимал, что с ним сделает граф д’Эгре, если дочь пожалуется, поэтому не переступал черту, ограничиваясь паскудными шуточками в адрес девушки.

Франсуазе оставалось только стискивать зубы и делать вид, что не понимает намеков.

– Конечно! Ты ведь такая красивая…

Жан-Жак опять потянулся к Франсуазе, девушка выставила вперед ладонь, на кончиках пальцев которой светилась магия.

– Я, кажется, просила обойтись без рук!

– И такая злая… – разочарованно протянул верзила.

– Я стану еще злее, если напомню тебе, что сегодня ты ведешь четвертый курс на кладбище? – поинтересовалась девушка.

– Сегодня? – он звонко хлопнул себя рукой по лбу и со стоном пошатнулся. – Я думал завтра.

– То есть ты сутки не выходил из таверны?

Ассистент декана ухмыльнулся и наклонился ближе, обдавая Франсуазу запахом перегара.

– Меня заперли в погребе! – доверительно сообщил он. – Дочь хозяина!

– И ты напился как сапожник?

– Обижаешь, сапожники не пьют такое вино! Попробуй, оно превосходно! – Жан-Жак посторонился, приглашая войти. – Пойдем в погреб?

Он подмигнул. Франсуаза тяжело вздохнула. В другое время она бы ушла, но упускать шанс попрактиковать на кладбище было глупо.

– Я бы с радостью, но боюсь, что дочь хозяина будет ревновать тебя.

– Это верно! Вот за что я люблю тебя, Франни, у тебя неплохо варит котелок! Для женщины, конечно!

– Поверь, я польщена! – понимая, что Жан-Жак напился до состояния слезливых признаний в любви и дружбе, она тяжело вздохнула. – И когда у тебя практика?

– Как обычно, в полночь, – верзила опять покачнулся и ухватился за косяк. – Думаешь, я не успею протрезветь?

– Думаю, ты даже пытаться не будешь.

Он хохотнул.

– А ты хорошо меня знаешь!

– Куда уж лучше, – пробормотала девушка.

– Тогда зачем мне трезветь?

– Хотя бы для того, чтобы не обрести покой на кладбище рядом с мертвяками, – Франсуаза сделала вид, что собирается идти дальше, но Жан-Жак держал ее за руку.

– Слушай, Франни, а что если…

Она выразительно взглянула на ассистента декана, и тот сразу же разжал пальцы.

– Спасибо. Так что если…?

– Что, если на практикум мы сходим вместе? – он умоляюще посмотрел на Франсуазу. – Ну типа на свидание?

Наверное, со стороны это выглядело забавно, может быть, даже романтично: огромный верзила умоляет хрупкую девушку.

– Свидание в присутствии адептов? – она изогнула бровь. – Не слишком романтично, ты не находишь?

– Ты согласна? – оживился Жан-Жак, снова пытаясь обнять девушку.

Она ловко увернулась.

– Не так быстро! И если ты будешь распускать руки, я откажусь!

– То есть ты согласна? – оживился он, демонстративно убирая руки за спину.

– Надо подумать. Ведь оплату, причитающуюся за практическое занятие, получишь ты.

– Я поделюсь с тобой! Пятьдесят на пятьдесят!

Франсуаза задумалась. Предложение было более чем щедрым. Женщинам в академии платили в разы меньше, чем мужчинам, и чтобы самой заработать столько же, Франсуазе пришлось бы работать от зари до зари.

– Интересно, как ты объяснишь адептам мое присутствие?

Жан-Жак пожал плечами:

– Что-нибудь придумаю.

– Что-нибудь? – насторожилась Франсуаза. Как бы ни хотелось попрактиковаться вне стен академии, дочь графа д’Эгре не могла позволить, чтобы сплетники

трепали ее имя, приписывая роман с ассистентом декана. Достаточно было и ее работы в академии.

– Ладно. Где и когда встречаетесь?

– У церкви Святой Хельтруды. В полночь.

– Странное место.

– Обычное.

Франсуаза строго взглянула на коллегу.

– Жан-Жак, ты же прекрасно знаешь, как родственники умерших относятся к практикумам некромантов! В городе только два городских кладбища, где места для бедняков, и именно там нам позволено тренировать адептов, и я не помню, чтобы кладбище при церкви туда входило! К тому же неподалеку хоронили самоубийц… – Франсуаза прищурилась, осененная догадкой. – Вот почему ты так хочешь, чтобы я пошла, верно?

– Ну, – Жан-Жак старательно отводил взгляд, – я думал…

– Неужели? – процедила девушка сквозь зубы. Поднимать тело из неосвященной земли было очень опасно, если не упокоить мертвяка правильно, он, привлеченный запахом живой плоти, мог сожрать некроманта заживо, а заодно и тех, кто находился рядом.

– Тридцать на семьдесят! – поспешно выпалил Жан-Жак, понимая, что сделка вот-вот сорвется.

– Двадцать на восемьдесят! – отрезала Франсуаза, чувствуя себя торговкой на рынке. – И ты уговоришь Копена поднять мне оплату!

– Ладно, идет! – верзила торопливо протянул руку. Девушка поняла, что продешевила, но отступать было поздно. Жан-Жак протянул руку, и Франсуазе пришлось вложить свою ладонь. Правда, она сразу же торопливо одернула ее и сверилась с часами.

– Времени немного. Мне еще надо зайти домой. Встретимся у церкви, – подобрав юбки, Франсуаза поспешила прочь.

Квартира, которую девушка снимала, была маленькой. Она располагалась под самой крышей пятиэтажного дома, и потому летом в ней было жарко, а зимой – холодно, но это все, что Франсуаза могла себе позволить на скромное жалованье, которое платили в академии.

Промелькнула мысль, что Жан-Жак, наверняка, жил с большим комфортом. Промелькнула и пропала. Ни за что на свете Франсуаза не променяла бы эту квартиру с рассохшейся дверью и скрипучими рамами на прежнюю жизнь в фамильном особняке. Материнский надзор, нотации старшего брата, щебет младшей сестры… Воспоминания о прошлом заставили передернуть плечами. Она выбрала свой путь, и назад дороги нет! С этими мыслями ассистент профессора Ле Шовена провернула ключ в дверях.

Бонни вскочил с кровати, как только она переступила порог. Девушка была уверена, что пес услышал ее шаги гораздо раньше, но до последнего наслаждался возможностью поваляться на запретном месте.

Франсуаза не стала его ругать, прошла на кухню и растопила плиту. Сварить кофе при помощи магии было бы быстрее, но следовало поберечь силы для ночного практикума.

Бонни следовал за ней по пятам, заискивающе заглядывая в глаза. По всему было видно, что он скучал.

– Ты опять проспал весь день? – Франсуаза потрепала огромного черного с рыжими подпалами зверя по голове. От удовольствия он зажмурился и коротко тявкнул. – Тише, уже поздно, соседи спят!

Бонни осклабился, выражая сомнения по поводу этой фразы. С учетом того, что ближайшими соседями девушки были целители, скорее всего, они находились либо на дежурстве в лечебнице, либо в таверне, где продавали зелья, усиливающие действия алкоголя.

Что касается нижних этажей, то жильцы там менялись с такой скоростью, что Франсуаза не успевала даже познакомиться, не говоря уже о том, чтобы узнать, кто они. Впрочем, жалоб на нее домовладелице никогда не поступало, поэтому предупреждение псу было, скорее, данью традиции. К тому же девушке хотелось поговорить с достойным собеседником, и огромная васская овчарка вполне отвечала высоким требованиям дочери графа.

– Да, ты прав, их нет, но это не повод вести себя шумно, правда?

Пес радостно завилял хвостом, задел стул, и тот с грохотом полетел на пол.

– Бонни! – с укором воскликнула Франсуаза. Пес вывалил язык, делая вид, что совершенно не при чем, а предмет мебели упал сам по себе. Вздохнув, Франсуаза поставила стул на место. В этот момент кофе забурлил и с шипением начал выплескиваться из турки на огонь.

– Ну вот опять! – девушка успела подхватить турку, перелила остатки напитка в чашку и прошла в комнату. Бонни тенью проследовал за хозяйкой, выждал, пока она присядет в скрипучее кресло у окна, и положил ей голову на колени, преданно заглядывая в глаза.

– Да, я знаю, что ты скучал, – девушка вздохнула. – Прости, если бы я знала, что задержусь, то обязательно взяла бы тебя с собой!

Пес вильнул хвостом на этот раз очень осторожно. Франсуаза улыбнулась и одним глотком выпила кофе.

– Ладно, а теперь за дело!

Она быстро сменила утреннее платье на более удобный костюм для верховой езды. Бархатная амазонка была остатками той роскоши, которая некогда окружала юную дочь графа. Сейчас рукава на локтях растянулись, а манжеты обтрепались, но Франсуаза любила этот наряд, а ночью огрехи были не так заметны.

– Ну что, идем? – бросив последний взгляд в зеркало и поправив выбившуюся из тугого узла прядь, Франсуаза направилась к двери.

Вывалив язык, Бонни с абсолютно счастливым и оттого глупым видом последовал за хозяйкой. Цокая когтями, побежал по истертым ступеням, стремясь побыстрее оказаться на улице.

Франсуаза покачала головой, но поводок пристегивать не стала. Бонни прекрасно слушался ее, к тому же пса знали все в округе. Хотя многие и считали васских овчарок порождением бездны и предпочитали обходить его хозяйку стороной. Девушка никого не разубеждала. Напротив, именно эти легенды и грозный вид огромного черно-подпалого зверя способствовали тому, что она спокойно ходила по кварталу даже ночью.

Вот и сейчас, вынырнув из темноты, Бонни с удовольствием напугал парочку, зажимающуюся в подворотне. Женщина взвизгнула, а мужчина смачно выругался. Бонни счастливо гавкнул и задрал лапу, окончательно испортив романтику по-летнему теплой ночи.

– Как тебе не стыдно, – по привычке пожурила его Франсуаза, как только пес вернулся к ней. Бонни ничуть не смутился, только вильнул хвостом и побежал по улице, безошибочно угадывая направление. Он остановился на углу и вопросительно взглянул на Франсуазу, тявкнул, призывая поторопиться. Она улыбнулась и поспешила к месту встречи.

Глава 3

Церковь святой Хельтруды, в простонародье святой Хель, располагалась за стеной, некогда обозначавшей границу города. Длинное здание, построенное несколько веков тому назад, напоминало не то конюшни, не то амбар, и если бы не высокий шпиль, то никто и никогда не понял бы что это церковь.

Святая почиталась счетоводами и писателями. Первые были прижимисты, а вторые бедны, и при этом ни одни, ни вторые не слишком верили в помощь святых, поэтому церковь казалась заброшенной.

Хотя сейчас на крыльце толпилось семеро молодых людей в черных мантиях. Семь – магическое число, число рун вызова демонов преисподней. Именно

столько некромантов каждый год выпускалось из Суар де Бонне. Традиция, не более, но ведь традиции существуют для того, чтобы им следовать.

Подойдя ближе, Франсуаза внимательно посмотрела на адептов. Присутствуя на лекциях, она прекрасно знала их всех и понимала, что ожидать от каждого из молодых людей, стоявших на ступенях церкви. Девушек среди них не было: отсеялись на первом курсе. Две, следуя воле родителей, вышли замуж, а одна, не выдержав придирок и насмешек, сменила специализацию на целительство. Все три казались более талантливыми, чем молодые люди, сейчас с интересом смотревшие на Франсуазу.

Белый магический свет огонька, висевшего у витража над входом, отбрасывал зловещие тени на лица адептов. Их глаза блестели в предвкушении, смешанном со страхом. Первый практикум вне стен академии всегда был очень волнующим и для адептов, и для преподавателей, которые должны были удержать опьяненных собственным могуществом и страхом юнцов.

Девушка вздохнула. Показалось, что святая, изображенная на витраже над входом, насмешливо улыбнулась.

– Мадемуазель д’Эгре, и вы с нами? – обрадовался один из адептов. Франсуаза кивнула ему. Поль Руаж, младший сын богатого торговца, всегда импонировал ей своим дружелюбием.

– Женщинам запрещено проводить практикумы на кладбищах, – насупился Реми де Грандьен. В отличие от соученика, он принадлежал к одной из знатнейших семей Парижьенны и свято чтил традиции. Франсуаза знала, что родители Реми осуждают ее образ жизни и желание работать вместо того, чтобы, как положено девушке из аристократической семьи, выйти замуж и посещать светские рауты.

– Думаю, это решать не вам, адепт Грандьен! – спокойно произнесла девушка. – А если и дальше будете посещать таверны вместо занятий, то очень скоро практикумы на кладбищах будут недоступны и вам.

Реми покраснел, а его однокурсники захихикали. Франсуаза знала, что поступает недостойно преподавателя, намекая адепту на отчисление по причине плохой успеваемости, это было прерогативой декана. Но… как правильно указали, она была женщиной, а женщинам простительны маленькие

слабости.

– Тихо! – Жан-Жак вынырнул из темноты и направился к Франсуазе.

Бонни моментально преградил ему путь и зарычал, обнажая белоснежные зубы. Ассистент декана попятился.

– Зачем ты взяла с собой этого монстра? – пробухтел он, недовольно косясь на пса. Зверь ответил не менее недовольным взглядом.

– Именно потому что он – монстр, – Франсуаза улыбнулась. – Где еще ему гулять, как не на кладбище?

Она привычно потрепала пса за ушами, он вильнул хвостом и на всякий случай утробно рыкнул. Заметив, что присутствующие вздрогнули, пес осклабился и весело посмотрел на хозяйку.

– Не хулигань, Бонни, – ласково произнесла она. – Им и так сегодня достанется. Ну что, за работу?

Последние слова адресовались Жан-Жаку. Понимая, что тянуть время не стоит, он кивнул:

– Итак, Реми и Поль чертят пентаграмму, потом мы поднимаем трех-четырех мертвяков из ближайших могил.

При этих словах Франсуаза еле заметно покачала головой: некромант всегда должен знать, сколько именно тел он планирует поднять, иначе можно просто не рассчитать свои силы.

– Захоронение очень старое, – тем временем продолжал ассистент декана. – Следовательно, плоти не будет, только кости.

– Вот и собака пригодится! – хохотнул один из адептов. Бонни опять рыкнул, и шутник замолчал.

Жан-Жак поморщился и на всякий случай сделал шаг в сторону.

– В случае опасности укрывайтесь в церкви, – проинструктировал он адептов.

– Да ладно, неужели мы испугаемся парочки скелетов! – возмутился кто-то. Франсуаза прищурилась.

– Как вам уже сказали, скелетов будет четыре, – отчеканила она. – Возможно, если кто-то не рассчитает свои силы, то и больше. Все они будут недовольны тем, что их потревожили. Значит, вам придется действовать четко и слаженно. К тому же помните, что у всех умерших есть родственники, которые вряд ли обрадуются, узнав, что их близких поднимали из могил. Надеюсь, вам все понятно?

– Да, мадемуазель, – адепты ответили хором, как на лекции.

Девушка кивнула:

– Начинайте!

Николя Камбер, отличник и гордость факультета некромантии, ослепительно улыбнулся.

– Ну что, ребята, зададим им жару? – он переплел пальцы и хрустнул ими, разминая.

– Посмотрим, кто кого, – пробурчал Жан-Жак, отходя от церковного крыльца на положенные четыре мьётта[1 - Старинная мера длины.].

Адепты послушно проследовали за ним. Реми и Поль достали обсидиановые стилусы. Когти дьявола, как именовали полудрагоценный камень в давние времена, он считался символом мертвых и использовался некромантами для ритуалов, впитывая в себя негативную энергию.

Убедившись, что адепты заняты делом, Франсуаза перевела взгляд на витраж, изображающий святую.

Облаченная в длинные одежды женщина стояла, держа в одной руке книгу, а в другой – стилус, символизируя священные знания. То ли из-за игры света, то ли по прихоти художника стилус напоминал хлыст. Франсуаза озадаченно нахмурилась, но рассмотреть не успела, Жан-Жак возвестил, что все готово.

Адепты послушно заняли точки пересечения линий пентаграммы. Воздев руки к небу, они заунывно затянули слова призыва. Бонни, сидящий у ног хозяйки, вскинул голову. Его вой органично вписался в произносимое заклинание. Франсуаза закатила глаза. Жан-Жак улучил момент, чтобы дотронуться до ее руки.

– Каждый год одно и то же, верно, – заговорщицки зашептал он. – Ай!

Зубы пса клацнули в миллиметре от ладони.

– Каждый год одно и то же, верно? – улыбнулась девушка. – И ужасное произношение адептов, и твои слова, и Бонни…

– Извини, – он потупился.

Франсуаза пожала плечами, внимательно следя за тем, как могильные надгробия начинают дрожать. Одно из них, с трещиной, надломилось и упало, придавливая появившийся из земли череп. Раздался хруст. Франсуаза поморщилась.

Адепты замолчали, нерешительно переглядываясь.

– Продолжайте, – велел Жан-Жак. – Потом все исправим!

Нестройный хор голосов возобновился. Земля осыпалась, открывая остальные кости. Скелет медленно восстал из могилы. Глазницы расколотого черепа светились зеленым. Адепты охнули.

– Кто скажет, что это за свечение? – требовательно спросила Франсуаза.

– В костях содержится фосфор, при соединении с магической энергией он начинает выделяться, – отозвался Поль.

– Верно.

Спокойный тон мадемуазель д’Эгре вкупе с привычными вопросами заставил адептов собраться.

– Франни, ты чудо! – пробасил Жан-Жак. – Что бы я без тебя делал?

– Завалил бы практикум, – констатировала она, следя за поднятыми скелетами.

Один из них тем временем проковылял к адептам. Пентаграмма сразу вспыхнула, отсекая живых от мертвых.

– Хорошо горит, смачно! – фыркнул Реми, остальные загоготали.

Франсуаза поджала губы, но промолчала. Она понимала, что за смехом адептов скрывается страх, поскольку они впервые поднимали умершего не в академии. Сама она в свое время была лишена подобного практикума, как и многих других.

– Давайте второго, – приказал Жан-Жак. – На третьем поставлю зачет по практикуму, а тому, кто упокоит всех сразу, – допуск к экзамену.

Адепты оживились, латынь стала гораздо чище. Второй и третий скелеты поднялись почти одновременно. Лязгая челюстями, они подошли к пентаграмме, пытаясь дотянуться до адептов костлявыми пальцами.

– Хорошо, а теперь… – Жан-Жак не договорил, остолбенело смотря поверх головы Франсуазы. – Что за…

– Что там? – девушка обернулась и вскрикнула.

За границами пентаграммы стояли женщины. Они были ужасны: тусклые светлые волосы, полуразложившиеся, гниющие тела, сморщенная, дряблая кожа. Ни на одной из них не было видимых повреждений, но Франсуаза не сомневалась, что под коленом у каждой найдется точь-в-точь такая же рана, как у тела, подброшенного утром в прозекторскую. Только, судя по следам разложения, убиты они были гораздо раньше. Серийные убийства!

По спине потянуло холодом. Девушка вздрогнула и обхватила себя за плечи. Бонни вскочил и вопросительно тявкнул. По его шерсти пробегали искорки магии. Франсуаза покачала головой:

– Пока не стоит.

Пес шумно выдохнул, но послушно сел на ногу хозяйки. Она поморщилась, но прогонять не стала, внимательно следя за мертвяками. Они стояли и смотрели на огонь пентаграммы, потом одна из женщин сделала шаг. Один из адептов охнул, девушка не стала оборачиваться, чтобы посмотреть, кто именно.

Пламя под ногой умертвия заколыхалось, взметнулось в небо и сразу же с шипением погасло. Запоздало Франсуаза сообразила, что Поль и Реми вписали руны, защищавшие от костей, но не от плоти. Адепты и сами поняли свою ошибку, выхватили стилусы, собираясь кинуться к границам пентаграммы.

– Назад!

Франсуаза сама не знала, кому адресован приказ: мертвым женщинам или адептам.

– Жан-Жак, бери адептов и упокаивайте скелеты! – распорядилась она, следя за женщинами. Их было три. Три некогда молодых, полных жизни существа, которых закопали на неосвященной земле рядом со старым кладбищем и церковью, куда редко захаживают прихожане. Кем бы они ни были при жизни, они заслуживали лучшей участи, чем сгореть в магическом пламени.

Рука дрогнула, и испепеляющий огонь пролетел мимо. Одна из женщин зашипела.

– Франни! – ахнул Жан-Жак.

– Не отвлекайся! – пальцы судорожно плели новое заклинание – сеть ловчего. Где-то за спиной с хрустом ломались кости, адепты не смогли рассчитать магическую силу.

– Ой, – ахнул Поль. Наверняка, не смог правильно применить заклятие.

Жан-Жак в ответ смачно выругался. Франсуаза недовольно покосилась в их сторону, в этот момент мертвая сделала еще один шаг, протянула руку, чтобы схватить девушку за плечо. В предвкушении живой плоти она беззвучно распахнула рот. Бонни зарычал, прыгая между хозяйкой и мертвяками. Франсуаза выставила вперед ладонь. Заклинание сорвалось с пальцев и ударило в мертвяка.

Кладбище огласил вой. Три тела метались в светящемся коконе, пытаясь выбраться. Третья женщина злобно зашипела и попыталась отползти, но Бонни нагнал ее. Его глаза полыхали алым, а черная шерсть отливала золотом огня.

– Адский пес! – прошептал кто-то из адептов, прежде чем рухнуть в обморок. Франсуаза не стала оборачиваться, чтобы узнать, кто именно. Она подбежала к Бонни, который кинулся на женщину, пригвоздив ее к земле. С белоснежных клыков капала слюна, он уже примеривался, как вонзит зубы в гниющую плоть.

– Бонни, назад! – приказала девушка, накидывая еще одну сеть. Пес одбежал к ней, и она ухватилась за ошейник. От энергоемких заклинаний ноги подкашивались, а голова кружилась. Казалось, еще немного, и она упадет без сил. Не обращая внимания на адептов, девушка присела и обняла верного друга, чувствуя, как магические искорки покалывают кожу.

– Что за блажь пришла тебе в голову? – Жан-Жак подскочил к ней. – Почему ты их просто не испепелила?

– Потому… – она подняла голову и одарила его мрачным взглядом. – Надо вызвать полисмагов.

– Ты с ума сошла? – ассистент декана в ужасе отшатнулся. – Зачем?

– Три тела, Жан-Жак. Три женских тела, захороненные без гробов на неосвященной земле…

– И что с того? Зачем сразу вызывать магическую полицию?

– Потому что… – Франсуаза встала и всмотрелась в лицо напарника. – Интересно, почему ты так нервничаешь?

– Я? С чего ты взяла? – он достал платок и вытер пот, выступивший на лбу. – Давай поскорее уйдем и уведем адептов!

– И оставим все как есть? – она кивнула на сети.

– Можем просто развеять их!

– И все? – девушка покосилась на мнущихся на крыльце адептов.

– Они ничего не поймут, – Жан-Жак перехватил ее взгляд. – Решат, что все так и должно было быть. А я потом объясню им заклинание «ловчей сети».

– Этим заклинанием запрещено пользоваться до получения диплома! – машинально заметила девушка. Она направилась к церковному крыльцу.

– Итак, у нас нештатная ситуация! Николя, Поль, надо вызвать полисмагов!

Поль кивнул, а его соученик сразу заартачился:

– Почему я должен изображать посланника?

– Потому что вы – адепт Суар де Бонне, мсье Николя Камбер! И обязаны блюсти закон!

– Но…

– Предпочитаете, чтобы я информировала декана о вашем поведении? – Франсуаза изогнула бровь.

Она блефовала, поскольку декан Копен вряд ли будет прислушиваться к мнению женщины, но Николя не обязательно было знать об этом.

Стиснув зубы, он нехотя поплелся за другом. Повинуясь внезапному чувству, девушка повернулась и взглянула на витраж. Казалось, что святая улыбается, одобряя ее поступок.

Глава 4

Полисмаги прибыли под утро. Адепты ждали, приютившись на ступенях церкви. Кто-то дремал, завернувшись в плащ, кто-то, напротив, не мог уснуть и то и дело беспокойно оглядывался по сторонам. Жан-Жак дважды пробовал улизнуть, и только настойчивость Франсуазы и звериный оскал Бонни заставили его остаться.

Темное небо начало розоветь, когда самоходный фиакр, дребезжа и изрыгая клубы дыма, подъехал к церкви. Помимо знакомых Франсуазе служителей управления оттуда выпрыгнули Николя и Поль. Безумно довольные они поспешили к приятелям, желая как можно скорее поделиться подробностями поездки в чудо-экипаже. Пока они возбужденно кричали и размахивали руками, извозчик привез еще нескольких полисмагов, которые моментально оцепили кладбище.

– Ну, что тут у вас? – омерзительно бодрым голосом поинтересовался капитан Богарне, подходя к крыльцу церкви.

– А вам не сказали? – раздраженно процедил Реми. – Почему так долго?

Этьен смерил его грозным взглядом:

– Адепт… э-э-э?

– Грандьен. Мое имя – Реми де Грандьен. Сын барона де Грандьена!

– С чем вас поздравляю, а вашему папеньке сочувствую, – скривился капитан.

Не обращая внимания на гневное сопение молодого аристократа, он посмотрел на остальных и почти сразу заметил мадемуазель д’Эгре. Она стояла в тени одной из колонн портика. Утомленная бессоной ночью, с темными кругами под глазами, она напоминала мать Создателя, какой ее изображали в храмах на фресках. Почувствовав на себе пристальный взгляд, девушка тяжело вздохнула и подняла голову.

– Капитан? Вы заставили себя ждать.

Ни упрека, ни обиды, просто констатация факта, только легкая хрипотца от усталости, заставляющая сердца мужчин биться еще сильней. Этьен нахмурился, борясь с желанием обнять девушку, прижать к себе и зашептать слова поддержки.

– Мадемуазель д’Эгре? Почему рядом с вами всегда находят трупы? – холодно поинтересовался он.

– Наверное, потому что я дипломированный некромант? – Франсуаза вымученно улыбнулась, предупреждающе кладя ладонь на голову пса. Бонни скалился и был явно недоволен тем, что к его хозяйке относятся без подобающего уважения. – Это подразумевает, что я работаю с теми, кто умер.

– Да, но не все ваши трупы должны быть умерщвлены насильственно! – возразил полисмаг, игнорируя рычание пса. – Где тела?

– Вот здесь, пойдемте! – пробасил Жан-Жак.

Если бы Франсуаза не устала, то ей было бы забавно наблюдать, как этот огромный верзила суетится и робеет перед стражами закона. Но сейчас хотелось только одного: поскорее покончить со всеми формальностями, вернуться домой и хоть немного поспать.

Понимая, что давать объяснения все равно придется ей, девушка вместе с полисмагами направилась к трупам. Окутанные магической сетью тела казались почти живыми.

– Искусная работа! – капитан Богарне изучил плетение и обернулся к Жан-Жаку. – Неужели ваша?

– Ну… э… – замялся он.

– Моя, – негромко произнесла девушка, зная, что убрать сеть может только тот, кто плел заклинание.

– Но… – второй полисмаг, кажется, его звали Пьер, удивленно посмотрел на нее. – Женщинам ведь запрещено практиковать на кладбище!

Франсуаза криво усмехнулась.

– Я и не практиковала. Просто помогла коллеге, – она мотнула головой в сторону трусливо молчавшего верзилы.

– Ага. А ночью оказались у этой церкви совершенно случайно? – понимающе протянул капитан. – Пса прогуливали?

Бонни осуждающе фыркнул. Жан-Жак вздрогнул и бросил умоляющий взгляд на девушку. Она окинула полисмага ледяным взглядом, словно назойливого кавалера на балу.

– Не случайно, – ответ прозвучал очень сухо. – Я присматривала за адептами.

– Ночью на кладбище? – хмыкнул Этьен Богарне.

Он прекрасно знал способности Жан-Жака, ничуть не сомневался, кто действительно руководил практикумом, и теперь ему было интересно только одно: зачем девушка согласилась на эту авантюру.

– Для некроманта-недоучки время и место самое подходящее, а здесь их семеро, – Франсуаза кивнула на молодых людей в черных мантиях, все еще сидевших на ступенях церкви. – Возьмете показания сразу или отправите их по домам?

Этьен уныло взглянул в сторону адептов. По его лицу было заметно, что он не слишком жаждет выслушивать сбивчивые показания.

– Пьер, запиши их имена. Пусть придут в участок вместе с теми, кто был вчера в прозекторской, – распорядился капитан Богарне.

– Ты хочешь допросить их всех в один день? – ужаснулся приятель.

– Все равно ничего интересного они не скажут, – отмахнулся он. – И допрашивать будешь ты, так что пиши разборчиво!

– Как прикажете, господин капитан, – насупившись, Пьер направился исполнять приказ, а Этьен вернулся к телам.

– Их надо перевезти в наш морг, Вернье займется ими… – он взглянул на девушку, все еще стоявшую рядом. – Вы сможете снять аниму?

Франсуаза грустно улыбнулась:

– Тут нечего снимать. Судя по следам разложения, они пролежали в земле несколько месяцев.

– В таком случае их проще упокоить, но желательно не уничтожать и не возвращать в могилы. Сможете?

– Да, – Франсуаза негромко произнесла заклинание. Тела в последний раз вздрогнули и застыли.

– Почему вы не сделали это сразу? – поинтересовался Этьен.

– При отсутствии анимы каждое магическое действие ускоряет разложение. Сейчас тепло, и у меня просто не хватило бы сил создать холодный купол над ними, – она махнула рукой.

Мерцание сетей погасло. Франсуаза на секунду устало прикрыла глаза. Бонни заскулил и прижался к ее ногам. Искры снова засверкали на шерсти, а потом скользнули на девушку, заставляя белоснежную кожу засиять. Завороженный Этьен замер, а потом безотчетно шагнул к девушке. В этот момент она подняла голову и встретилась с полисмагом взглядом. Понимающая улыбка скользнула по губам.

– Капитан, нельзя ли побыстрее заняться делом? – она обхватила себя руками, будто замерзла.

Впрочем, так оно и было: магическое истощение вызывало озноб. Неожиданно даже для себя самого Этьен снял куртку и накинул ее на плечи девушки:

– Думаю, вы выполнили свою работу. Теперь мои люди справятся сами. Пойдемте!

Не обращая внимания на злобное рычание пса, он подхватил мадемуазель д’Эгре под руку и направился к фиакру. Бонни на секунду растерялся, но сразу же кинулся следом, готовый защищать хозяйку до последнего вздоха.

Франсуаза и не думала сопротивляться. Она слишком устала для бесполезных возражений. Куртка полисмага была восхитительно теплой, а рука, подхватившая под локоть, – достаточно крепкой, чтобы на нее можно было опереться.

Капитан распахнул дверь фиакра и усадил девушку, достал из кармана флягу и протянул ей:

– Вот, выпейте!

Франсуаза машинально сделала глоток, потом судорожно вздохнула и закашлялась. Бонни встревоженно тявкнул и, не взирая на полисмага, вспрыгнул на соседнее сиденье, преданно заглянул в глаза. Девушка погладила его, успокаивая и повернулась к хозяину фляги:

– Что это?

– Бренди, – он пожал плечами. – А вы что ожидали?

– Укрепляющую настойку.

– Ну… она тоже там! – Этьен ослепительно улыбнулся.

– Насколько я помню, в рецепте сказано: добавить не более десяти капель спиртного!

– Это моя личная доработка! И, как видите, она действует: вы перестали дрожать и спорите со мной!

Не найдя что возразить, Франсуаза откинулась на спинку сидения.

– Думаю, вам лучше вернуться к своим людям.

– Да, мадемуазель. Как будет угодно, вашей милости, – издевательски протянул полисмаг, растягивая гласные, как обычно делали слуги и низшие сословия.

Девушка покраснела, понимая, что самой себе напоминает мать. Графиня д’Эгре всегда любила раздавать указания, особенно тем, кто был ниже ее по статусу.

– Капитан Богарне, простите, – увидев, что полисмаг собрался уйти, Франсуаза удержала его за рукав. – Я очень устала, а утром надо идти на работу. Знаю, это не оправдание моей грубости…

Что-то в лице полисмага дрогнуло, носогубные складки словно смягчились.

– Разве после ночных практикумов не положен выходной? – поинтересовался он.

– Тому, кто их проводит, положен. Но вы сами сказали, что женщинам запрещено…

– Не я, а Пьер, – поправил Этьен.

– Это не отменяет правил академии.

– Верно, – он хотел еще что-то добавить, но заметил, что к церкви подъехала телега для перевозки тел, и коротко поклонился. – Прошу меня извинить. Надеюсь на ваше благоразумие, мадемуазель, и что вы никуда не уйдете.

Франсуаза пожала плечами.

– Вы все равно знаете, где меня искать. Но если вам так угодно…

– Благодарю!

Богарне кивнул и направился к полисмагам. Погрузка отняла много времени, и когда он вернулся к фиакру, мадемуазель д’Эгре уже спала, используя пса вместо подушки. При виде капитана зверь тихо рыкнул, призывая не тревожить его хозяйку.

Этьен тяжело вздохнул.

– Пьер, направишься с телегой! – распорядился он.

– С чего вдруг? – оскорбился приятель.

– Проследишь, чтобы все правильно оформили! К тому же тебя тошнит от моего фиакра!

– Только когда ты резко закладываешь вираж!

– Вот и поедешь медленно и печально! – махнув приятелю на прощание рукой, Этьен надел очки, защищавшие глаза, и достал ручку стартера. Приладил в паз и вдруг поймал себя на мысли, что старается производить как можно меньше шума, чтобы не разбудить девушку.

Усмехнувшись, он плавно крутанул рукоять, фиакр вздрогнул и зарычал, выпустив очередные клубы дыма. Сев за руль, полисмаг покосился на пассажирку, но она безмятежно спала, так и не выпустив из рук его куртку. Зато Бонни, так, кажется, звали ее пса, поднял голову.

Глаза цвета плавленого шоколада внимательно изучали сидящего впереди мужчину. Этьен насторожился. Он прекрасно знал эту породу собак. Васконы, горные народы, выращивали их для охраны ферм от волков и злых духов. Купить щенка было невозможно, только получить в дар. Интересно, за какие заслуги этот пес достался мадемуазель д’Эгре?

Взгляд зверя остановился на горле. Пес безмолвно сообщал, что будет с тем, кто покусится на хозяйку. Этьен почувствовал, что по спине пробежал холод. Он тряхнул головой, прогоняя оцепенение.

– Я просто думаю, куда ее везти, – зачем-то сообщил зверю полисмаг. Он поморщился, понимая, что оправдывается перед собакой, словно перед отцом или братом девушки. С другой стороны, необходимо было решить, что делать, а размышлять вслух было гораздо удобнее, и он продолжил:

– К ней домой рискованно, соседи станут гадать, что я ее любовник, а к себе… – Этьен усмехнулся. – Тогда все однозначно решат, что я ее любовник. Что нам остается, а?

Он снова повернулся к псу. Бонни расслабился и зевнул, давая понять, что проблемы людской морали его не слишком волнуют. Этьен задумчиво побарабанил пальцами по рулю.

– Хм… может, отвезти ее в Суар де Бонне? – продолжил он, обращаясь уже к самому себе, и сразу же покачал головой. – Боюсь, академия еще закрыта, и сторожам не понравится такое вторжение! Хотя…

Капитан Богарне уставился на стекло, размышляя. Тело одной из жертв оказалось в прозекторской. Значит, его каким-то образом пронесли в академию. Оставалось понять каким. В этом случае спящая девушка была кстати. Можно было попробовать подкупить сторожа…

Этьен прищурился и еще раз взглянул на пса, гадая, не спутает ли он все планы. Конечно, полисмаг знал по меньшей мере три способа обездвижить черно-подпалое чудовище, но это означало настроить против себя его хозяйку. Враждовать с ней Этьену не хотелось. Во-первых, девушка была нужна ему как свидетель, а во-вторых…

– Как ты думаешь, меня пустят в академию?

Бонни покосился на мундир и закатил глаза, сокрушаясь, что судьба свела его с таким идиотом.

– Ты прав. К тому же твою хозяйку прекрасно знают… Это нарушит чистоту эксперимента… Придется отвезти вас в управление. Что скажешь на это?

Пес зевнул и опустил голову на сиденье. Этьен решил, что это знак согласия. Осторожно, чтобы не потревожить пассажиров, он вырулил на дорогу и направился в центр города.

Глава 5

Главное полисмагическое управление Паризьенны занимало целый квартал. Расположенные на старинном острове здания внушали трепет, и их старались обходить стороной.

Фиакр вырулил в узкий переулок, после чего свернул в ворота, распахнувшиеся, как только экипаж пересек магическую сигнальную линию. Заглушив мотор, Этьен вышел и открыл дверь со стороны пассажирского сидения. Бонни встрепенулся, выпрыгнул и зевнул, демонстрируя белоснежные зубы.

– Не беспокойся, я не собираюсь будить ее поцелуем, – хмыкнул полисмаг, вспомнив старую сказку о красавице, которая укололась веретеном и проспала сто лет. Пес шумно фыркнул, словно говоря, что он в курсе более ранней версии этой сказки, когда прекрасный принц полюбил красавицу спящей и посещал ее во время охоты. Она даже родила ему двоих детей, но потом проснулась, и принц вынужден был на ней жениться.

Именно эту версию любила вспоминать бабушка Этьена, говоря, что мужчинам нравятся молчаливые женщины. Капитан Богарне обычно отшучивался, что тогда проще завести рыбок.

Сейчас он просто любовался спящей. Темные длинные ресницы отбрасывали тени на ее щеки, пухлые губы приоткрылись, словно призывая к поцелуям.

– Может, лучше оставить ее здесь? – вопреки собственным словам Этьен подхватил девушку на руки. Она не проснулась. Прошептала что-то и прислонилась головой к его плечу.

– Идем, – скомандовал псу полисмаг. Осторожно, чтобы не споткнуться, он вошел в здание и направился по крутой лестнице на третий этаж. В отличие от

парадного корпуса, где находилось начальство, остальные здания полисмагического управления не баловали комфортом. Длинный темный коридор, в котором всегда пахло дешевым одеколоном, духами и табаком, сейчас был пуст. Это играло на руку: капитан Богарне не желал объяснять коллегам, почему он несет на руках свидетеля.

Зайдя в кабинет, Этьен осторожно сгрузил свою ношу на небольшой диван, невесть как попавший в комнату еще при прежнем владельце, а сам сел за стол и придвинул к себе лист бумаги, надо было написать префекту отчет об утреннем вызове. Выведя на листе бумаги свою фамилию и слово «Рапорт», полисмаг откинулся на спинку.

Мирное сопение спящей отвлекало. Этьен широко зевнул и потянулся, пытаясь прогнать дремоту. Сам он проспал от силы несколько часов и теперь завидовал мадемуазель д’Эгре бесцеремонно занявшей его диван.

Капитан хмуро взглянул в сторону виновницы его ранней побудки. Девушка свернулась калачиком и подложила обе ладони под щеку. Было бы невежливо разбудить ее и потребовать сопеть не так сладко.

Бонни, развалившийся на полу, поднял голову и еле заметно вильнул хвостом. Это разозлило еще больше.

– Только твоего сочувствия мне не хватало! – заявил капитан Богарне. Пес снова положил морду на лапы, косясь на мужчину так, словно удивлялся его глупости. Этьен с раздражением взглянул на кляксу, сорвавшуюся с кончика пера, пока он наблюдал за спящей девушкой. Вздохнув, полисмаг смял лист и положил перед собой новый, и с ненавистью уставился на девственно-чистую бумагу. Мысли разбегались.

– Вот интересно, что я должен написать? – иронично поинтересовался он, обращаясь не то к Бонни, не то к самому себе. – Что руководитель практикума некромантов невзначай поднял три незарегистрированных женских тела, а проходящая мимо сотрудница кафедры помогла обезвредить эти тела? Да комиссар Марэ меня попросту засмеет!

Последние слова он сказал в полный голос. Девушка вздрогнула и открыла глаза. Бонни вскочил и ткнулся носом в ладонь хозяйки. Он вилял хвостом так

неистово, что постоянно стучал о диван Несколько секунд девушка недоуменно озиралась, потом ее взгляд остановился на Этьене.

– А, это вы… – она наморщила лоб, пытаясь понять, что капитан Богарне делает здесь.

– Доброе утро, – иронично поприветствовал ее полисмаг. – Как спалось?

– Где я? – она проигнорировала его вопрос.

– В моем кабинете.

– Что? – известие произвело эффект, словно ее окатили ледяной водой. Франсуаза вскочила и машинально расправила юбки. – Зачем вы привезли меня? Я арестована?

– Вы просто заснули в моем фиакре, – сухо пояснил Этьен, снова начиная выводить слово «Рапорт».

Он так и не знал, как изложить события, но это было лучше, чем смотреть на девушку. Её широко распахнутые бирюзовые глаза манили, словно прохладное озеро в жару.

Глядя в них, до безумия хотелось вскочить, кинуться к их обладательнице и поцеловать, пока она не взмолится о пощаде.

– И вы привезли меня сюда? – поинтересовалась Франсуаза, подходя к столу.

Щелк! Перо, которое он сжал пальцами сломалось, приводя полисмага в чувство.

– Первой моей мыслью было отвезти вас домой, – он все-таки поднялся, не в силах лицезреть стоящую перед ним девушку.

– К вам или ко мне?

– Не думаю, что для вашей репутации это было бы принципиально.

– Как и оставаться здесь наедине с вами! – усмехнулась она.

– По крайней мере здесь нет любопытных соседей, подглядывающих из окон.

– Зато есть ваши коллеги. Они не будут скромничать в своих предположениях, что мы тут делаем.

Этьен рассмеялся:

– Думаете, хоть кто-нибудь из них придет на работу в седьмом часу утра?

– Вы же пришли, – возразила девушка. – Только не говорите, что у вас не было выбора!

– Не было, – подтвердил Этьен, кивая на лист бумаги. – Мне необходимо написать рапорт к сегодняшнему утреннему заседанию, а благодаря вам я не знаю, что писать!

– Просто опустите подробности, как я оказалась на вашем диване… а, кстати, как я оказалась?

– Я принес вас на руках.

– И ты позволил! – упрек предназначался Бонни. Он виновато прижал уши и вильнул хвостом.

– Это было и в его интересах! – возразил Этьен.

– Вот как?

– Конечно! Получить парализующее заклинание или позволить мне устроить вас с относительным комфортом.

Франсуаза прикусила губу. В пылу спора она забыла, что собеседник был полисмагом, слугой закона, а значит, имел права пользоваться запрещенной для обычных граждан магией.

– А теперь, когда мы выяснили охранные способности вашего пса и мои полномочия, – все так же насмешливо продолжал капитан Богарне, – я все-таки хотел бы услышать правду о событиях прошлой ночи.

Франсуаза пожала плечами и снова присела на диван, на самый край, держа спину ровно, как и положено воспитанной девице.

– Я и так все вам рассказала.

– Нет, не все, – Этьен тоже занял свое место. – Почему именно вы кидали сеть в тела?

– Потому что остальные были заняты. Это же логично.

– Или струсили, спрятавшись за женскую спину.

Девушка отвела взгляд, давая понять, что отказывается обсуждать эту тему, и Этьен почувствовал, как глухое раздражение снова нарастает в груди.

Он ненавидел светские манеры, это многозначительное молчание, которым так славилось аристократическое общество по отношению к тем, кто не принадлежал их кругу. Именно так Этьена всегда встречала жена отца. Впрочем, и сам отец не слишком баловал незаконного отпрыска вниманием, вспомнив о сыне только тогда, когда понял, что наследовать титул некому.

Капитан Богарне нахмурился и тряхнул головой, прогоняя горькие воспоминания. В конце концов, он давно не мальчишка, которого легко задеть подобным поведением. Он потянулся за новым пером:

– Давайте продолжим.

Франсуаза с досадой взглянула на часы, висевшие на стене. Толстая стрелка неумолимо приближалась к цифре восемь.

– Скажите, мы могли бы отложить все это? – спросила девушка. – Скажем, до обеда.

– Отложить? Чтобы вы смогли договориться с сообщником?

– С кем? – она изумленно взглянула на полисмага.

– С этим, кто там проводил практикум… – он намеренно не стал упоминать, что достаточно хорошо знает ассистента декана Копена, поскольку учился в то же время, что и верзила.

– Жан-Жак, – Франсуаза наклонила голову вбок. – Считаете, что мы с ним сперва убили несчастных и закопали их, а потом подняли из могил?

– Нет, – Этьен поморщился, слишком уж нелепо звучали предположения девушки. – Я просто уверен, что практикум по некромантии проводили вы. А это значит, что вы нарушили закон, мадемуазель!

Франсуаза улыбнулась.

– Вы можете быть уверены в чем угодно, – с улыбкой согласилась она. – Но у вас нет доказательств. Вряд ли Жан-Жак подтвердит ваши догадки.

– Есть еще адепты.

– Которые тоже никогда не признаются, что ими руководила женщина. Еще и блондинка! – Франсуаза покачала головой. – Нет, мы должны украшать гостиные и говорить ничего не значащие фразы, а не бегать ночью по кладбищу, упокаивая заблудшие души.

Этьен недоуменно нахмурился:

– Вы говорите так, словно недовольны таким положением вещей!

– Вы проницательны, мсье капитан! А теперь, если у вас ко мне нет больше вопросов, я пойду, в девять часов у профессора Ле Шовена лекция, и я не должна опаздывать! Доброго вам дня. Бонни, пойдем!

Пес подскочил и заплясал вокруг хозяйки. Когда она вышла, Бонни обернулся и бросил укоряющий взгляд на Этьена. «Эх ты…» – прозвучало в мозгу у

полисмага. Он ошеломленно моргнул, но уже дверь закрылась.

Капитан Богарне вздохнул и, придвинув к себе лист бумаги, все-таки начал писать рапорт.

Глава 6

Франсуазе повезло: полисмагическое управление располагалось неподалеку от студенческого квартала. Бонни легко провел ее по пока еще безлюдным коридорам и вывел к стоянке фиакров. Пока что там находился один. Тот самый экипаж, в который ее усадил капитан Богарне. Франсуаза вспомнила тепло, исходившее от его куртки, и улыбнулась.

Будь полисмаг из ее круга, он наверняка побоялся бы накинуть свою куртку ей на плечи, опасаясь запятнать репутацию девушки. И, конечно, не стал бы сажать в фиакр, и думать о том, куда отвезти, чтобы окончательно не испортить репутацию. Нет, он бы вызвал извозчика и распорядился отвезти в особняк графа д’Эгре. Вряд ли Франсуаза вырвалась бы оттуда так быстро. И в любом случае она бы опоздала на лекцию, заслужив очередную грубую насмешку, на которые так был щедр профессор Ле Шовен.

Пройдя мимо прилавков цветочниц, начавших выкладывать свой товар, девушка вышла к реке.

С двух сторон заточенная в кирпич и камень столицы Скуанна неспешно катила свои темные воды. Оказавшись у Нового моста, Франсуаза облокотилась на гранитный парапет и взглянула вниз, поморщилась при виде мусора, плавающего на поверхности. Она редко смотрела на водную гладь реки и позабыла, что в Скуанне темная вода.

Деревья, высаженные на набережной, отражались там зловещим лесом древних. Говорили, что много веков назад реке приносили человеческие жертвы. Девственниц. С начерченными на теле кровавыми рунами их связанных приводили к обрыву и кидали в воду. Если девушка каким-то образом сумела выплыть, то ее забрасывали камнями, считая пособницей темных сил.

Ради любопытства Франсуаза прошептала заклинание поиска. Ладони обожгло. Бонни тревожно тявкнул, неодобрительно косясь на хозяйку.

Магия, почувствовав силу мертвых, жаждала вырваться наружу. Представив, что будет, если все утопленники повинуются зову и всплывут, девушка поспешно отошла от парапета. Не стоило тревожить тех, кто упокоился. Пусть даже и в реке.

Часы на соборе пробили половину девятого. Спохватившись, Франсуаза пересекла мост и оказалась в студенческом квартале. Привычная суета тут же охватила ее. Адепты в темных мантиях спешили ей навстречу. Они все прекрасно знали мадемуазель д’Эгре. В некотором роде женщина-некромант была достопримечательностью академии, поэтому здоровались и провожали ассистентку профессора удивленными взглядами. Это заставило Франсуазу сделать вид, что она торопится.

Она почти вбежала в подъезд и начала подниматься по лестнице, когда ее окликнула хозяйка дома:

– Мадемуазель д’Эгре!

– Да? – досадуя на очередную задержку, Франсуаза остановилась. Хозяйка все равно не отступит, а прятаться от нее бессмысленно.

– Я этого не потерплю!

– Чего именно?

– Когда я сдавала вам квартиру, вы уверили меня, что будете вести себя как и подобает молодой незамужней девушке, а сами заявляетесь под утро и в таком виде! У меня приличный дом!

Девушка фыркнула и с трудом сдержалась, чтобы не напомнить о пьяных дебошах, устраиваемых остальными студентами-квартиросъемщиками. Спор все равно ни к чему не приведет, только время будет безвозвратно потеряно.

– Я присматривала за адептами на ночном практикуме, – достаточно громко пояснила Франсуаза, уверенная, что остальные жильцы подслушивают диалог. – Если вас перестал устраивать мой род занятий, я съеду, но в этом случае вам придется вернуть мне оплату за квартиру…

– Ой, ну что вы так кипятитесь! – тон хозяйки изменился. – Не стоит придавать такое значение моим словам, я просто волновалась, не приключилось ли с вами чего…

– Мы обнаружили мертвые тела, – сухо проинформировала Франсуаза.

– Ну… это ведь ваша работа, верно?

– Да, простите, я тороплюсь!

Она легко вбежала по ступеням, юркнула в квартиру, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Назойливость квартирной хозяйки раздражала, но съезжать было бы глупо. Во-первых, оплата за квартиру была внесена на несколько месяцев вперед, а во-вторых, не было никакой гарантии, что новая хозяйка окажется лучше этой.

Девушка поморщилась и подошла к зеркалу, желая понять, что в ее виде вызывало такое недоумение. Увидев свое отражение, она ахнула. Растрепанная, с темными кругами под глазами и в измятом платье, она действительно выглядела так, словно провела бурную ночь в Нижнем куртии – самом злачном квартале Паризьенны.

Времени оставалось в обрез. Стараясь не строить предположений, о чем думали встретившие её адепты, Франсуаза быстро покормила пса, причесалась, сменила платье на жакет с юбкой и поспешила в академию. Бонни радостно потрусил следом за хозяйкой. Девушка не стала одергивать его, после бессонной ночи она нуждалась в поддержке верного друга.

Кофе с круассаном, купленные по дороге, придали сил, и в академию девушка вошла почти в миролюбивом расположении духа. Воспоминания о ночных приключениях и утреннем пробуждении в управлении при свете дня казались пустяковыми, а ненавязчивая забота капитана Богарне вызывала улыбку.

Её не могли стереть ни глупые шутки профессора Ле Шовена, ни перешептывания и косые взгляды адептов, ни глупые ухмылки коллег. Судя по всему, весть о ночном практикуме уже разлетелась по учебному заведению, вызывая зависть тех, кто не присутствовал при столь неординарных событиях.

Франсуаза постоянно слышала за спиной шушуканье.

– Полисмаги весь день списки составляли…

– А тело в морг забрали…

– Совсем голая была…

– Повезло же вам, не то что нам! – воскликнул кто-то с задних рядов аудитории, прерывая профессора.

Ле Шовен нахмурился.

– Еще одна фраза, адепты, и вы лишитесь возможности практикумов вне стен академии на весь семестр! – пригрозил он. – Тишина в аудитории!

Ученики испуганно притихли.

Зная лекции наизусть, Франсуаза почти не следила за речью профессора, мыслями то и дело возвращаясь к полисмагу, пытавшемуся допросить ее утром.

Капитан Богарне знал слишком много о магии и о практикумах в академии, а значит, он сам учился в Суар де Бонне. Странно, что он решил стать стражем закона. Как правило, выпускники академии предпочитали более интересные занятия, нежели ходить на государственную службу.

Едва заслышав звонок, возвещавший об окончании лекции, Франсуаза вскочила и, игнорируя недовольство профессора, направилась в архив. Огромное помещение со сводчатыми потолками, поддерживаемыми колоннами, когда-то было храмом, при котором и возникла академия, тогда еще колледж богословия, магии и права. За прошедшие века студенты все менее охотно делали пожертвования Создателю и здание ветшало. Пока наконец его не передали в

ведомство академии. Франсуаза любила бывать здесь: толстые стены поглощали весь шум извне, и в здании царила тишина.

Вот и сейчас девушка с удовольствием переступила порог некогда святого места. Хранитель Мсье л'Омбр встретил ее ворчанием.

Призрак не слишком жаловал адептов, лебезил перед преподавателями, опасался некромантов, а девушка в священных стенах старого здания заставляла его кривиться от досады.

При виде Бонни хранитель скривился еще больше. Пес нагло вывесил язык и подмигнул.

– И не сидится же вам дома, мадемуазель! – процедил он сквозь зубы. – С чем пожаловали?

– Этьен Богарне, – почти по слогам произнесла Франсуаза. – Я хочу ознакомиться с его личным делом!

– Выдавать истории выпускников на руки запрещено!

– С каких это пор?

– С тех самых, когда девки некромантией занялись! Срам, да и только! – призрак скрестил руки на груди. – И уж тем более, с чего вдруг такой интерес к мужчине?

– Мне надо знать, насколько ему можно доверять.

– Ни насколько, – фыркнул мсье Л’Омбр.

– Почему? – изумилась Франсуаза.

– Доверять мужчине удумала тоже! У них при виде твоей мордашки только одно на уме! – он похабно вильнул бедрами.

Девушка покраснела, прекрасно поняв, на что намекает призрак.

– Упокою! – процедила она сквозь зубы.

– Прокляну!

– Испепелю кости!

– Не найдешь!

– Они вмурованы в стену храма!

Призрак издал звуки больше всего напоминавшие зубовный скрежет:

– Твоя взяла!

Он воспарил над книжными шкафами и полетел вглубь зала. Послышался шорох, бормотание, сменившиеся грохотом и забористыми ругательствами. Франсуаза даже бровью не повела, прекрасно понимая, для кого разыгрывается это представление.

Противный старикашка во всю пытался выжить ее из академии, не гнушаясь любыми методами: подсыпал в кофе порошки, украденные у целителей, подкладывал болванки заклинаний взрыва под стул, дразнил Бонни. Докладные ректору эффекта не произвели, казалось, что глава академии негласно поощряет призрака. Франсуаза даже подозревала, что мсье Л’Омбр действует по личной просьбе главы академии, не меньше остальных возмущенного тем, что девушка решила стать некромантом.

Только угроза пожаловаться королю возымела действие. Пакости прекратились, но призрак все равно продолжал высказывать свое негодование, хотя и без последствий.

– Вот, держи, – вернувшись, он протянул Франсуазе папку. – Надеюсь, читать ты умеешь.

– Спасибо, – подчеркнуто вежливо поблагодарила девушка.

– И тебе не болеть, хе-хе, – злобно закашлялся мсье л'Омбр, поправляя гофрированный воротник. Зная своего противника, Франсуаза торопливо прошептала заклинание от порчи. Сработало.

От отраженного проклятия призрак стал почти прозрачным.

– Ты… ты что твориш-шь! – зашипел он, с трудом возвращаясь в более привычный вид. – Я декану пожалуюсь! Нет, ректору!!!

– Советую в жалобе использовать те же слова, что и несколько минут назад, – хмыкнула Франсуаза. – Кстати, проклятье слабого желудка лет сто как накладывается совершенно по-другому!

– Как это? – от беспокойства призрак снова помутнел. – А почему? Где это сказано?

– В книгах. Они находятся на стеллажах в библиотеке, надеюсь, вы не разучились читать! – девушка очаровательно улыбнулась, подхватила папку и вышла.

– А ну, стой! – донеслось вслед. – Верни немедленно! Ворюга!

Франсуаза только улыбнулась и направилась на кафедру. Жан-Жак уже был там. Склонившись над столом, он старательно выводил буквы.

– Ты еще язык высуни, – поддразнила Франсуаза, садясь напротив. – Будешь совсем как адепт-первокурсник!

Ассистент декана окинул ее мрачным взглядом.

– Не смешно, – пробасил он. – Ректор в ярости. Особенно от вмешательства полисмагов. Они уже донесли на нас. Старик потребовал от меня подробный отчет.

– Следовало ожидать, – девушка лениво следила за тем, как Бонни устраивается на любимом кресле профессора Ле Шовена. – Не каждый раз, проводя

практикум, находишь жертв преступления.

– Да, но как ты понимаешь, теперь вряд ли я смогу выплатить тебе обещанные деньги!

– Что? – Франсуаза встрепенулась и внимательно посмотрела на коллегу. – Как не сможешь?

– Я же не могу включить тебя в ведомость!

Девушка чуть подалась вперед, бирюзовые глаза сверкнули:

– Что-то я не помню, чтобы речь шла о ведомости!

– Да, но… не из своего же кармана я должен платить! – возмутился Жан-Жак.

– Почему бы и нет? – Франсуаза усмехнулась. – Это был твой практикум!

– Но…

Девушка подняла руку, останавливая собеседника.

– Жан-Жак послушай, и слушай меня очень внимательно! Сегодня утром капитан Богарне пытался выяснить, что я делала ночью у церковного кладбища. Я не стала отвечать, но ведь я могу передумать!

– Ты не посмеешь! – ужаснулся ассистент декана.

– Уверен? – Франсуаза произнесла это с бравадой, которую сама не чувствовала.

– Тебя арестуют за нарушение закона!

– Тебя тоже, особенно, если я скажу, что ты настаивал на моем присутствии. И если мне все равно не светит ничего, кроме работы ассистента профессора, то твоя карьера будет разрушена! Подумай, стоит ли она тех денег, которые ты отказался мне отдать! Бонни, идем!

Франсуаза плавно поднялась и вышла, держа спину так прямо, словно на макушке у нее лежала тяжелая книга.

Только покинув здание академии, девушка позволила себе опустить плечи. Утром капитан Богарне, потом мсье Л’Омбр, а теперь Жан-Жак…

Отчаяние охватывало ее, а в носу противно защипало. Мысль о том, что она так и останется ассистентом, пока мужчины получают научные степени, зачастую используя и ее труд, доводила до слез.

В моменты, подобные этому, хотелось все бросить и вернуться в родовой особняк. Спать на мягких перинах, отдавать распоряжения слугам, ездить вместе с матерью и сестрой на прогулку в парк, танцевать на балах, выйти замуж… Девушка вздрогнула и поспешила прогнать крамольные мысли. Вернуться домой означало признать свое поражение.

Франсуаза не собиралась это делать, ни когда вопреки воле матери поступила в академию, ни когда до боли в спине сидела над учебниками, чтобы быть лучшей на курсе и получить стипендию, ни когда терпела насмешки от соучеников, ни сейчас. Даже если Франсуаза не получит причитающихся от Жан-Жака денег, она справится.

– Мы переживем это, правда, Бонни? – поинтересовалась девушка у своего четвероногого спутника.

Пес завилял хвостом, всем своим видом показывая, что он точно ни о чем жалеть не будет.

– Даже о сахарной косточке?

Бонни тяжело вздохнул, а девушка рассмеялась и наклонилась, чтобы потрепать его по голове. Внезапно пес навострил уши и предупреждающе тявкнул. Франсуаза выпрямилась и обернулась, сразу встретившись взглядом с капитаном Богарне. Полисмаг как раз вывернул из-за угла и направился прямиком к ней.

– Мадемуазель д’Эгре! На ловца и зверь!

– Вы про Бонни? – невинно осведомилась девушка.

– И про него тоже, – Этьен обменялся с псом многозначительными взглядами. – Но вообще-то я шел к вам.

– Ко мне? Зачем?

– Вы опрометчиво пообещали мне уделить время за обедом… – он улыбнулся, а Франсуаза нахмурилась.

– И вы решили не терять времени зря? – резко спросила она.

– Это решил наш префект, комиссар Марэ. Он устроил мне сегодня форменный разнос, что я не успел допросить вас!

– Сочувствую.

– Ерунда, – отмахнулся Этьен. – Он недолюбливает меня и все равно нашел бы к чему придраться. Так вы исполните свое обещание?

– Да, конечно…

Франсуаза оглянулась, делая вид, что думает, где присесть, а на самом деле гадая, рассказывать ли полисмагу правду. С одной стороны, душа желала мести. С другой… правдивый рассказ создавал огромное количество неприятностей для всего Суар де Бонне, а как бы Франсуаза ни жаждала крови обидчика, бросать тень на свою альма-матер не хотелось.

– Вернемся в академию или вы позволите угостить вас? – напирал капитан Богарне.

– Я… – Франсуаза вдруг заметила Жан-Жака, который выходил из ворот академии в компании декана. При виде девушки, разговаривающей с полисмагом, верзила вздрогнул и побледнел.

Не в силах отказать себе в удовольствии Франсуаза ослепительно улыбнулась и подхватила капитана Богарне под руку.

– Почему бы и нет? – достаточно громко произнесла она. – Лекции закончились, а до вечерних занятий еще много времени. Я думаю, капитан, что смогу ответить на все ваши вопросы!

Этьен усмехнулся, прекрасно понимая причину столь поспешного решения и спокойно повел девушку вслед за деканом. Франсуаза, раскаиваясь в своей браваде, попыталась вырвать руку, но полисмаг легко удержал ее, а использовать магию против представителя закона на глазах у всего города, равно как и натравливать Бонни, девушка не решилась. По несчастному совпадению декан с ассистентом направлялись на бульвар Бельенн, излюбленное место прогулок всех аристократов. Идя за ними, Франсуаза обреченно размышляла, как быстро графиню д’Эгре известят о том, что ее непутевая дочь прогуливается под руку с полисмагом.

Идя по улице, Жан-Жак то и дело оглядывался, подтверждая подозрения капитана Богарне. Он вел себя так нервно, что привлек внимание своего спутника. Профессор Копен тоже оглянулся и, заметив Франсуазу, идущую с капитаном Богарне, изумленно приподнял брови. Сделав ассистенту знак остановиться, он подошел к странной парочке.

– Мсье, ох, простите, капитан Богарне…

– Профессор, ох, простите, декан… – позволил себе маленькую месть Этьен.

– Вижу, вы обрели успех там, где многие потерпели поражение… – он кивнул на девушку.

Бонни зарычал, уловив настроение хозяйки, а Франсуаза шумно выдохнула:

– Декан, если вы не заметили, то я тоже здесь!

– Заметил, как и то, что вы явно благоволите вашему спутнику! – парировал тот. – Надеюсь, вы осведомлены, что он незаконнорожденный сын маркиза де Гарне?

Девушка ощутила, как рука под ее ладонью дрогнула. Бросив быстрый взгляд на полисмага, она заметила, что на его щеках играют желваки.

– Мне кажется, декан, или вас это волнует больше, чем меня? – холодно осведомилась Франсуаза.

– Я радею за честь академии! Преподавателю не пристало выставлять напоказ свои отношения, хоть и со стражем закона!

Франсуаза вспыхнула, но промолчала. Это разозлило Этьена еще больше, чем речи декана.

– Если вы радеете за честь академии, то займитесь адептами, которые вчера устроили очередной пьяный дебош! – отчеканил он. – Не думаю, что подобные выходки способствуют повышению престижа Суар де Бонне!

– Адепты устроили пьяный дебош? Где? – изумился декан.

– Дебош устроили в Нижнем куртии, а адепты сейчас в седьмом участке отсыпаются. После того, как напишут объяснительные, можете забрать их! И заодно объяснить, что проститутки – женщины продажные, следовательно за их услуги необходимо платить! Вы хотя бы лекцию проведите на эту тему, а то каждый месяц одно и то же!

Слишком ошеломленный напором бывшего ученика, декан промолчал. Жан-Жак возмущенно пыхтел рядом, зло наблюдая за Франсуазой. Она старательно делала вид, что не замечает его.

Девушку не обманула перепалка, она прекрасно поняла, что хотел сказать декан, ссылаясь на престиж академии. Если Франсуаза хочет остаться работать на кафедре, то о просьбе Жан-Жака провести практикум на кладбище придется умолчать, как и о многом другом.

– Капитан, у меня мало времени, – напомнила она. – И я не желаю выслушивать скабрезные истории о похождении адептов.

– Разумеется. Как пожелаете, мадемуазель. Мое почтение! – полисмаг коротко кивнул декану и его ассистенту, получил в ответ такие же сухие кивки и повел девушку дальше.

Как только они свернули за угол, Франсуаза выдернула руку.

– Простите, капитан, но нам придется отложить обед до лучших времен! Я вспомнила, что у меня есть неотложное дело.

– Неужели? В таком случае, мадемуазель ассистент профессора, мне напомнить вам, что вы так и не дали показания?

Девушка горько усмехнулась:

– Мне нечего вам рассказывать. Я просто проходила мимо и помогла коллеге…

– Коллеге? – Этьен вздернул бровь. – По тому, как вы самоотверженно защищаете этого верзилу, я готов поспорить, что вас связывают более глубокие отношения!

– Это уже не ваше дело! – Франсуаза окончательно разозлилась.

– Мое, если вы покрываете преступника!

С минуту они буравили друг друга тяжелыми взглядами, вызывая негодование прохожих, вынужденных огибать полисмага и его спутницу. Франсуаза опомнилась первой.

– Мы зря спорим, капитан. Я никого, как вы выражаетесь, не покрываю…

Последняя фраза была ошибкой. Она поняла по тому, как сверкнули глаза полисмага.

– Решили научить бастарда хорошим манерам, мадемуазель? – процедил он. – Не стоит! В любом случае жду вас сегодня до шести часов в полисмагическом управлении для дачи показаний! Дорога в мой кабинет вам известна! И позвольте напомнить, что за отказ содействовать следствию вас могут посадить

в тюрьму!

Услышав в голосе угрозу, Бонни глухо зарычал, но Этьен щелкнул пальцами, заклинание огоньком вспыхнуло в ладони. Пес прижал уши, но не отступил, готовый кинуться на выручку хозяйке.

– Бонни, прекрати, – приказала Франсуаза. Она с трудом сдерживала себя, чтобы не надавать наглецу пощечин. – Что же касается остального, капитан, то уверяю, тюрьма для меня будет предпочтительнее общения с вами.

Она развернулась и направилась обратно в студенческий квартал. Бонни смерил полыхающего гневом полисмага презрительным взглядом, демонстративно задрал лапу у ближайшего столба и потрусил за хозяйкой.

Этьен долго сомтрел им вслед, затем смачно выругался и отправился в управление. Дел было слишком много. К тому же капитану Богарне очень хотелось прижать эту заносчивую красавицу, а для этого надо было внимательно изучить имеющуюся на нее информацию.

Глава 7

Франсуаза шла не разбирая дороги. Слезы застилали глаза, а душу переполняла ярость. Она даже не знала, что злило больше: завуалированные угрозы декана или же явные капитана Богарне. Живя в мире, где властвовали мужчины, девушка давно привыкла к несправедливости, но сегодня ее не покидало ощущение, словно на нее вылили ведро помоев. Она опомнилась, только когда оказалась в студенческом квартале с его привычным гамом и вечной суетой.

Сверившись с часами, Франсуаза обнаружила, что у нее полно времени, но возвращаться домой сейчас не имело смысла. Сидеть в одиночестве означало только накручивать себя, все время вспоминая обидные слова, услышанные сегодня, и Франсуаза направилась обратно в академию. Обеденный перерыв еще не закончился, и в коридорах царила благословенная тишина.

Девушка поднялась в библиотеку. Огромное помещение с голубыми стенами и росписями на потолке не пользовалось спросом у адептов в начале семестра, и она легко нашла место у окна. Бонни устроился в ногах, придавив их тяжестью своего тела, но Франсуаза не стала возражать. Сейчас, как никогда, ей нужна была поддержка и пес прекрасно знал это.

Желая систематизировать запросы профессора, девушка открыла сумку, взгляд упал на оранжевую папку, лежащую отдельно от остальных бумаг. Франсуаза и забыла, что затребовала личное дело оскорбившего её капитана. Рука сама потянулась к документам. Злясь на себя за излишнее любопытство, девушка открыла папку и пролистала бумаги. Аттестационные ведомости, характеристики, векселя об оплате…

Внимание привлекло прошение маркиза де Гарне о зачислении сына в академию магии. К нему прикладывалась копия метрики о рождении Этьена Богарне. Странно, но в графе «мать» стоял прочерк.

Покрутив метрику и отложив ее в сторону, Франсуаза просмотрела листы успеваемости. Будущий полисмаг учился на «отлично». Подкачал только четвертый курс, там была четверка по некромантии. Перелистнув табель, девушка обнаружила причину этой оценки: заявление адепта третьего курса о выборе специализации.

Отличник Этьен Богарне прошел все испытания под руководством профессора Ле Шовена и все-таки отдал предпочтения боевой магии. Какой удар по самолюбию некромантов, привыкших отбирать лучших из лучших!

Оплата за обучение от маркиза де Гарне тоже прекратилась, зато к делу было приложено поручительство из полисмагического управления, в котором говорилось, что адепт Богарне внесен в списки королевских стипендиатов, и за его обучение заплатит казна.

Девушка задумчиво покрутила письмо на гербовой бумаге. Интересно, что произошло, если маркиз отказался от своих обязательств?

Насколько Франсуаза помнила, у маркиза де Гарне было три дочери, так что интерес к сыну пусть даже незаконнорожденному был понятен. Для продолжения рода маркизу нужен был наследник. Но что произошло потом?

Официальные бумаги не могли дать ответ на этот вопрос.

Пронзительный звон, раздавшийся над головой, заставил подскочить. Девушка не сразу сообразила, что это звонок, возвещавший о начале дневных занятий. От резкого движения папка упала на пол, документы рассыпались. Охнув, Франсуаза торопливо собрала их, положила обратно и поспешила на лекцию.

Когда она вошла, Ле Шовен уже вещал с кафедры. При виде ассистентки он недовольно нахмурился.

– Вот и еще одно доказательство, что женщинам не стоит заниматься наукой, поскольку они не могут организовать свое время!

В аудитории послышались смешки адептов. В любое другое время Франсуаза бы промолчала, но сегодня это высказывание стало последней каплей, переполнившей чашу терпения.

– Вы правы, профессор! Я действительно не могу организовать свое время и провожу его в библиотеке, где не увидела хотя бы одного адепта! Уверяю, я обязательно исправлюсь и следующую ночь проведу сначала в питейном заведении, а потом в Нижнем куртии, а рассвет встречу в полисмагическом участке!

Судя по притихшим адептам, она попала в точку. Профессор смерил гордячку суровым взглядом, но промолчал. Девушка прошла к своему столу, находившемуся в самом темном углу. Демонстративно щелкнула пальцами, запуская магический огонек над головой.

– Предлагаю не тратить время попусту, господа, раз уж оно у вас так организованно! Бонни, лежать!

Пес послушно лег у стула.

Ле Шовен стиснул кулаки, но продолжил лекцию, понимая, что не стоит препираться с ассистенткой на глазах у адептов. Пока он рассказывал опостылевшую теорию, Франсуаза занялась докладом, который профессор должен был представить в научном сообществе на той неделе.

В обязанности ассистента входила только проверка достоверности приведенных фактов, но Ле Шовен давно переложил написание всего доклада на Франсуазу. Она не возражала, поскольку вместе с этим получила профессорский доступ в библиотеку и архив.

Наизусть зная содержание лекции о спиритических сеансах и подчинении духов воле вызвавшего их, девушка разложила бумаги и приступила к работе. Она как раз закончила первую треть доклада, когда профессор окликнул ее, поскольку для вызова духа необходимо было как минимум двое. Как всегда, прикосновения профессора были слишком чувственными и вызывали отвращение. Стиснув зубы, девушка подавила в себе желание вырваться и произнесла необходимые ритуальные фразы.

– Да будет так! – пробасил профессор. Как правило, мсье л’Омбр появлялся ровно через три секунды. Но не в этот раз. Сердце отстучало пять ударов, потом еще пять, но противный старикашка так и не появился.

– Что за ерунда? – растерянно пробормотал профессор, вытаскивая платок и промокая пот, выступивший на лбу. – Мадемуазель д’Эгре, вы правильно произнесли все фразы.

– Конечно, – кивнула Франсуаза. – Возможно, мне стоит сходить в архив…

Она не закончила предложение, поскольку воздух вдруг сгустился и задрожал. А над лысой головой Ле Шовена возникла полупрозрачная женская фигура. Светловолосая обнаженная девушка обвела взглядом аудиторию. Адепты как один шумно выдохнули. Заметив Франсуазу, призрачная девушка полетела к ней, но была остановлена заклинанием, которое визгливо выкрикнул Ле Шовен. Воздух вокруг кафедры вспыхнул зелеными сполохами. Не задевая живых, они устремились к бесплотному духу. Девушка вскрикнула и с мольбой посмотрела на ассистентку профессора.

– Помоги мне! – прошептала она, прежде чем растаять.

Несколько секунд в аудитории царила тишина, сменившаяся возбужденным галдежем.

– Тихо! – голос Ле Шовена перекрыл возгласы. Под его пристальным взглядом адепты один за другим опустили головы. – Вы только что увидели пример того, как важно тщательно запоминать порядок слов в заклинании и правильно все выговаривать, в противном случае вместо убеленного сединами старца мы можем вызвать дух девушки непристойного поведения, верно мадемуазель д’Эгре?

– Да, профессор, – Франсуаза предпочла не спорить. Она вернулась на свое место, машинально погладила Бонни, шерсть которого все еще мерцала искрами магии. Пес не кинулся на защиту хозяйки, значит, призрак не мог причинить вред. Странно, что Ле Шовен не стал интересоваться, откуда взялся дух. И эта уверенность, что девушка при жизни не отличалась высокой нравственностью…

Стараясь не привлекать внимания, Франсуаза внимательно следила за профессором. Он стоял за кафедрой и что-то оживленно объяснял адептам. Слишком оживленно, отметила для себя девушка, как и то, что руки Ле Шовена подрагивали. Значит, использовал магию по полной. Чем же его так напугал призрак?

Едва дождавшись звонка, означавшего окончание лекции, девушка устремилась к выходу.

– Мадемуазель д’Эгре! – строгий оклик профессора заставил остановиться.

– Да?

– Могу я поинтересоваться, куда вы направляетесь? – за бравадой слышался испуг.

– В архив, – Франсуаза не видела смысла скрывать свои намерения. – Надо же посмотреть, что там с мсье л’Омбром!

– С ним все в порядке, – очень веско произнес Ле Шовен. – Вы просто перепутали слова заклинания и открыли не тот проход.

Он махнул рукой. Мир вокруг завертелся, а слова начали звучать глуше, заполняя мозг:

– Открыли не тот проход… не тот… Ай!

Франсуаза вздрогнула, возвращаясь в реальность. Первое, что она увидела: профессор зажимает кисть, а Бонни, оскалившись, стоит между ним и хозяйкой. Шерсть пса стала золотой от искр магии.

– Мадемуазель д’Эгре, вы понимаете, что сейчас произошло? – процедил Ле Шовен.

– Конечно, профессор, вы пытались подавить мою волю и внушить мне свою версию событий, – она спокойно выдержала тяжелый взгляд. – Надеюсь, вы помните, что это строжайше запрещено!

Ле Шовен с шумом выдохнул:

– Вам почудилось!

– Так же, как и вам укус Бонни. А сейчас простите, мне надо идти!

– Надеюсь, вы проявите благоразумие и займетесь моим докладом, мадемуазель! – напутствовал ее профессор. – Иначе мне придется информировать декана, что вы не соответствуете занимаемой должности!

– Неужели вы напишете доклад сами? – Франсуаза холодно улыбнулась. – Не стоит сотрясать воздух пустыми угрозами, профессор!

От такой наглости Ле Шовен задохнулся. Девушка не стала ждать, пока он придет в себя. Она вышла из аудитории и направилась к архиву, но на полпути передумала. Даже если профессор и не вызвал духа к себе, как только непокорная ассистентка покинула аудиторию, мсье л’Омбр слишком честолюбив, чтобы признаваться в провале женщине, пусть и некроманту.

Гадая, как поступить, Франсуаза вернулась в библиотеку, села на свое излюбленное место и открыла портфель, намереваясь заняться докладом. Взгляд упал на папку, все еще лежавшую в отделении. Личное дело Этьена Богарне. По правилам его следовало вернуть в тот же день, иначе хранитель архива обязан был известить ректора. Франсуазе не хотелось, чтобы по

академии поползли слухи о ее повышенном интересе к полисмагу. Достаточно было прогулки под руку по улицам города.

Пришлось идти в архив. Мсье л’Омбр был там. Он парил под потолком, зло оглядывая свои владения. Заметив девушку он взволнованно замерцал, но снова обрел свою полупрозрачную сущность.

– А, мадемуазель д’Эгре! – противно протянул он. – С чем пожаловали?

– Хотела вернуть документы, – Франсуаза достала папку и положила ее на стол. При виде торчащих во все стороны листов призрак охнул и суматошно закружил над головой.

– Это что же?.. Это ведь как, а?

Франсуаза внимательно наблюдала за ним. От ее взгляда не укрылся сбитый на сторону отложной гофрированный воротник, всклокоченная шевелюра и неравномерная плотность призрака – все свидетельствовало, что он собирался идти в открывшийся коридор призыва, но второй призрак оттолкнул его.

Франсуаза нахмурилась. Она не слишком хорошо знала спиритизм, предпочитая работу с умертвиями, нежели с духами, но помнила, что неупокоенные души не могут далеко отходить от своих тел. Если девушка появилась не в самой воронке вызова, то ее тело находится в Суар де Бонне. Подавив в себе желание вскочить и броситься проверять морг академии, Франсуаза взглянула на хранителя архива, театрально причитавшего над помятыми бумагами.

– И ведь не постеснялась отдать так! Все ректору расскажу! – пригрозил он.

– А заодно добавь, как тебя девица облапошила и в проход вызова кинулась, – хмыкнула Франсуаза. Мсье л’Омбр стал почти прозрачным.

– Ты это… я… в общем… она голая была!

Признание было настолько неожиданным, что Франсуаза рассмеялась. Кто бы мог подумать, что умерший много столетий назад призрак подвержен обычным человеческим страстям!

– У тебя же нет плоти! – не сдержавшись, воскликнула она.

– И что с того? – оскорбился призрак. – Думаешь, если я прозрачный, то слепой?

– Откуда она появилась? – Франсуаза попыталась воспользоваться ситуацией. Но мсье л’Омбр покачал головой:

– Думаешь я вот так все скажу? Я, между прочим, только что твоему профессору слово дал, что обо всем молчать буду!

Девушка зло сверкнула глазами.

– Он не мой профессор.

– Да ладно! – от удивления призрак взмыл под потолок. – Хочешь сказать, он тебя к себе взял, потому что ты умная?

– Наконец-то догадался! – фыркнула девушка, уязвленная замечанием. – Так все-таки девица откуда выскочила?

– Да не заметил я, – призрак окончательно смутился. – Оглянулся, а она тут как тут. Со своими… – он выразительно округлил руки.

– Какая неприятность! – поцокала языком Франсуаза. – И ты…

– Я-то поклонился, как положено, глаза прикрыл, чтобы сраму не видеть, а она оттолкнула и в проход кинулась! – мсье л’Омбр испуганно взглянул на девушку. – Только я тебе ни о чем не говорил!

– Конечно, – она наклонила голову, подтверждая свои слова.

– В морг не суйся, тамошних Ле Шовен предупредил! Да и вообще не женское это дело с трупами да умертвиями якшаться!

Франсуаза улыбнулась и вышла. Бонни ждал под дверью.

– Ты все слышал? – обратилась девушка к псу.

Тот тявкнул.

– И что мне теперь делать? – вздохнула Франсуаза.

Бонни вильнул хвостом и потрусил к лестнице, то и дело оглядываясь на хозяйку.

– Пойти? Но куда?

Пес не ответил, только ускорился. Заинтригованная Франсуаза последовала за ним. Бонни уверенно провел хозяйку к Новому мосту.

– Зачем нам идти на остров? – недоуменно нахмурилась девушка. – Там только храм и… Бонни!

Пораженная догадкой, она замерла у парапета, недоверчиво смотря на пса. В лучах заходящего солнца шерсть отливала золотом. Или это была магия васконов?

– Ты хочешь, чтобы я пошла в полисмагическое управление?

Бонни ухмыльнулся и вывалил язык.

– Нет, это… – Франсуаза оборвала саму себя. На самом деле, это было совершенно правильно. Капитан Богарне потребовал, чтобы до заката показания были даны. И если она придет, вряд ли полисмаг отмахнется от ее слов. Франсуаза взглянула на солнце, готовившееся спрятаться за высокие шпили кафедрального собора Паризьенны, и направилась в управление.

Глава 8

Всю вторую половину дня Этьен просидел в кабинете, составляя отчеты. Спина болела, а пальцы, державшие перо, сводило судорогой. Еще с академии он не любил писанину и всегда откладывал ее на последний момент, но завтрашнее совещание с префектом и главами участков не оставило выбора.

От составления отчетов мысли перетекли на найденные на кладбище женские тела, а потом и на Франсуазу д’Эгре. Отложив перо, Этьен взял личное дело девушки, которое запросил, как только вернулся с неудавшегося обеда.

– Мда, негусто… – пробормотал он, перечитывая страницы, заполненные каллиграфическим почерком штатного писаря.

Старшая дочь графа д’Эгре, с отличием окончила женское отделение гимназиума – школы для девочек при Суар де Бонне. Получив аттестат, она должна была выйти замуж за графа Жильбера де Ре. Об этом объявили еще до окончания учебы, и ожидалось, что свадьба станет главным событием сезона. Внезапно на балу девушка объявила о разрыве помолвки.

Это был скандал. Жильбер де Ре рвал и метал, а граф д’Эгре сослал опозорившую семью дочь в южное имение, находившееся на границе земель васконов. Оттуда она вернулась через год с молодым псом и настоятельной рекомендацией правителя гор зачислить девицу д’Эгре в Суар де Бонне. Отказать князю васконов не посмели, к тому же как раз подоспел указ и Его Величества Франциска о разрешении женщинам посещать лекции в университетах.

Но мадемуазель д’Эгре не просто посещала лекции, она стала лучшей на курсе и была допущена до сдачи диплома наравне с остальными адептами. После чего осталась работать в академии. С семьей отношений почти не поддерживает, ни в чем противозаконном замечена не была.

Этьен захлопнул папку и встал. Прошелся по кабинету, растирая затекшие мышцы шеи и плеч. Интересно, как все-таки хрупкая блондинка связана с женщинами, найденными мертвыми. Полисмаг был уверен в том, что связь существовала, не просто же так девушка постоянно оказывалась там, где находили жертв. Кстати, а ведь у всех у них тоже были светлые волосы…

Стук в дверь прервал размышления.

– Что там? – Этьен встрепенулся, надеясь, что очередной вызов избавит его от бумажной рутины.

– Простите, капитан, к вам дама. С собакой. Утверждает, что ей назначено, – бодро отрапортовал дежурный.

– Назначено кому? Собаке? – раздраженно бросил полисмаг.

– Мне. Но я полагаю, вы не станете возражать против присутствия Бонни, – знакомый мелодичный голос заставил сердце забиться чаще.

– Мадемуазель д’Эгре, – Этьен почувствовал, как губы расплываются в улыбке, и торопливо поклонился. – Не ожидал, что вы придете.

– Угроза тюремного заключения за неоказание помощи полисмагам – веский довод, не так ли? – пустила она парфянскую стрелу.

Дежурный выпучил глаза, с укором смотря на капитана. Этьен на секунду прикрыл глаза.

– Признаюсь, с моей стороны это было…

– Низко, – подсказала девушка, заходя в кабинет.

Бонни тенью скользнул за хозяйкой. На секунду взгляд зверя задержался на полисмаге, и Этьену показалось, что пес ему подмигнул. Капитан Богарне ошеломленно моргнул, но Бонни уже гордо отвернулся.

– Свободен, – бросил полисмаг дежурному, который удивленно застыл у порога.

Тот спохватился, щелкнул каблуками и поспешил на свое место.

– Прошу, – закрыв дверь, Этьен указал на стул для посетителей. Франсуаза присела на самый край, тщательно расправила юбки. Она держала спину настолько ровно, что если бы даже капитан Богарне и не изучил ее дело, то все равно сразу определил бы, что перед ним аристократка.

– Я слушаю, – он занял свое место и нехотя придвинул чистый лист бумаги. Перо брать не стал, оттягивая момент, когда руку скрутит мышечным спазмом. Франсуаза улыбнулась.

– Вы настаивали, чтобы я пришла и дала показания, – заметила она.

– Верно, – Этьен кивнул, вспомнив разговор на улице. – Итак…

– Я не скажу вам ничего нового по тем случаям, – перебила его Франсуаза. – Но…

Она замолчала. Полисмаг смотрел на девушку, ожидая продолжения. По опыту он знал, что не стоит торопить признания. Посетительница выдохнула и продолжила.

– Но в Суар де Бонне что-то происходит.

– Вы только сейчас это поняли? – как Этьен ни старался, он не мог скрыть сарказм. Франсуаза поджала губы.

– Я не про адептов! – сухо заметила она. – И даже не про преподавателей, слишком лояльно настроенных к детям тех, кто готов жертвовать на благо академии значительные суммы.

– Их много? – Этьен непроизвольно потянулся за пером.

– Кого?

– Тех, кто платит.

– Вы это знаете не хуже меня, – девушка усмехнулась. – Вы же учились в академии.

– Времена меняются.

– Но не в Суар де Бонне! – с горечью отозвалась Франсуаза.

– Верно. Так все-таки зачем вы пришли?

Девушка устало потерла виски.

– Потому что сегодня на лекции… – она вздохнула и начала рассказывать, четко изложив то, что произошло.

По мере того, как она говорила, Этьен хмурился все больше.

– Странно, что профессор Ле Шовен повел себя так, – заметил полисмаг. – Думаете, он замешан?

– В убийствах? – Франсуаза покачала головой. – Вряд ли, его мутит от одного вида крови.

– Что? – капитан Богарне не поверил собственным ушам. – Профессора-некроманта?

– Да, – Франсуаза весело кивнула. – Иначе зачем ему нанимать меня?

– По разным гм… причинам! – Этьен окинул ее выразительным взглядом.

Девушка вздохнула:

– Не без этого, конечно, но профессор держит себя в руках, в отличие от многих других.

– Он просто знает, кто ваши родители, и опасается гнева со стороны графа.

– Возможно, – Франсуаза понимала, что отрицать авторитет графа д’Эгре глупо. – Но ведь я пришла сюда не за тем, чтобы обсуждать свое происхождение!

– Верно, – Этьен все-таки взял в руки перо. – Как вы оказались ночью на кладбище у церкви святой Хельтруды?

– Пришла помолиться, – она улыбнулась и бросила лукавый взгляд из-под ресниц.

– Ночью?

Он начал записывать показания, надеясь, что боль в руке поможет отвлечься от очаровательных ямочек, появившихся на щеках девушки. Этьен изнывал от желания поцеловать их, коснуться ладонями белоснежной кожи, почувствовать сладость ее губ. Он провел рукой по лбу, делая вид, что откидывает волосы, а на самом деле стремясь прогнать пелену с глаз.

– Святые рады молитве в любое время, – процитировала святое писание Франсуаза.

Она безмятежно смотрела на полисмага, даже не догадываясь, какую бурю чувств вызвала.

– Покрываете верзилу-неумеху? – хмыкнул полисмаг. – Я уверен, что именно вы проводили практикум по некромантии!

В нарушение всех правил приличия Франсуаза подалась вперед и оперлась ладонями о стол, разделявший их.

– Капитан Богарне, – произнесла она, глядя прямо в глаза полисмагу, – вы действительно думаете, что я подтвержу ваши догадки и признаюсь, что нарушила закон?

– Вы – нет, но вот адепты…

– Никогда не расскажут, что подчинялись женщине, и уж тем более, что испугались мертвяков и прятались за ее спиной! – девушка усмехнулась. – Так что все ваши предположения, капитан, останутся лишь предположениями!

Этьен отложил перо:

– Почему вы их так защищаете?

– Я? Защищаю? – Франсуаза приподняла брови. – Кого?

– Профессоров, преподавателей… да всю эту шайку, заправляющую в Суар де Бонне!

– Говорите так, словно имеете на них зуб.

Этьен передернул плечами:

– Возможно.

– Тем не менее вклад Суар де Бонне в науку неоспорим!

– Вопрос, кто действительно делал этот вклад: профессора или же такие же, как вы, ассистенты?

– Профессора тоже были ассистентами, – парировала Франсуаза.

– Вы так верите в нынешнюю систему образования?

– Конечно, – на полном серьезе кивнула девушка, хотя в бирюзовых глазах плясали смешинки. – Я ведь даже пса назвала в честь академии!

– Что? – опешил Этьен.

– Бонни – это сокращенное от Суар де Бонне.

Услышав свое имя, зверь встрепенулся и подбежал к хозяйке.

– Странный выбор, учитывая то, что пса вы привезли вместе с рекомендательным письмом князя васконов!

– О, вы все-таки изучили мое дело? – рассмеялась она.

– Разумеется, – процедил полисмаг.

Диалог нравился ему все меньше. Поразительно, но мадемуазель д’Эгре повернула его так, словно это была беседа в светском салоне, а не допрос свидетеля. Или… или ослепленный желанием Этьен сам позволил ей это сделать?

– Я тоже, каюсь, читала ваше, – продолжала Франсуаза, как ни в чем не бывало. – Признаться, я впечатлена вашими успехами. Почему вы не остались в Суар де Бонне? Вы могли бы сделать там неплохую карьеру.

– Потому что… – капитан Богарне шумно выдохнул. – Потому что это вас не касается, мадемуазель!

Франсуаза опустила ресницы, скрывая взгляд, но Этьен все равно заметил.

– Мир не сошелся клином на академии! – раздраженно бросил он.

– Для вас – да, – девушка грустно улыбнулась.

– А для вас?

– Старая дева, живущая в доме брата, жена или ассистент профессора… как видите выбор невелик.

– Быть женой вы отказались, – только и заметил Этьен.

– Это тоже отражено в деле?

Вместо ответа полисмаг протянул папку. Франсуаза покачала головой:

– Не думаю, что мне стоит это читать.

– Почему?

– Слухи – жестокая вещь, – она вздохнула. – Вы займетесь той… жертвой?

– Вдобавок ко всем остальным? – хмыкнул Этьен. – Да.

– Спасибо, – девушка поднялась, вынуждая полисмага последовать ее примеру. – Бонни, нам пора!

Пес радостно вскочил и, демонстративно игнорируя хозяина кабинета, потрусил к двери. Франсуаза направилась за ним. Этьен проводил ее мрачным взглядом. На мгновение ему захотелось исполнить свою угрозу и приказать арестовать девушку за противодействие следствию, но она вдруг остановилась и обернулась, смотря на него глазами, напоминающими горные озера:

– Скажите, вы сможете сказать мне, чем все закончилось?

Вопрос застал полисмага врасплох.

– Закончилось? – нахмурился он.

– С этой девушкой, призраком…

– Думаю, ничем, мадемуазель, – Этьен не мог отказать себе в удовольствии задеть ее. Отчасти это напоминало детство, когда он дергал за косички понравившуюся ему девочку.

– Вот как? – она прикусила губу. – Да, конечно… Милый, идем!

Последняя фраза предназначалась псу. Он радостно завилял хвостом и первым вылетел за порог.

Этьен подождал, пока ассистентка профессора выйдет, потом снова присел в кресло. Обмакнув перо в чернила, он старательно вывел на листе слово «Рапорт» и поставил точку. Жирная клякса сорвалась с кончика и упала на желтоватый лист. Этьен выругался и скомкал несостоявшийся отчет.

Размышляя, что делать дальше, полисмаг откинулся на спинку стула. Обыскивать морг при академии не имело смысла. Ле Шовен не дурак, и у него было полно времени скрыть следы.

Допрашивать призрака, охранявшего архив, означало выдать Франсуазу, этого тоже делать не следовало. Мадемуазель д’Эгре пришла по доброй воле, и подставлять ее было бы по меньшей мере непорядочно.

«Старая дева в доме брата, жена, ассистент…» – прозвучал в ушах мелодичный голос.

– Гувернантка, содержанка… – зачем-то продолжил Этьен и усмехнулся. – Да, выбор не велик…

Глава 9

Через полчаса безуспешных попыток написать рапорт, капитан Богарне все-таки сдался. Понимая, что попросту сбегает, он вышел из кабинета, закрыл дверь, навесив сигнальную магическую паутину. Обычная предосторожность, но Этьен никогда не пренебрегал ею.

Как обычно, в рабочие часы полисмагическое управление напоминало не то муравейник, не то пчелиный улей. Голоса сливались в монотонный гул, иногда нарушаемый истерическими воплями кого-нибудь из задержанных. То и дело хлопали двери, сотрудники торопливо сновали по коридорам. Сухо отвечая на приветствия, Капитан Богарне пересек холл и покинул здание.

Ноги сами привели его в студенческий квартал. Здесь все осталось по-прежнему, словно он только вчера выпустился из академии, и не было многих лет службы в управлении. Обшарпанные дома, хозяева которых зачастую сдавали квартиры покомнатно, а то и по углам, узкие улочки, на которых обитатели верхних этажей выливали помои, несмотря на высокие штрафы, гвалт, раздающийся из ярко освещенных таверн.

По старой памяти Этьен направился в одну из них. «Голова гуся» горделиво значилось на вывеске.

Засаленные, потрескавшиеся от времени столы, кирпичные стены, на которых местами сохранилась серая штукатурка, темные полы с выбоинками там, куда

падали кружки, – полисмаг словно опять перенесся в студенческие годы. Сейчас его окликнут…

– Ба, какие люди! Этьен Богарне собственной персоной! – седовласый бармен, вытирая руки о полотенце, заткнутое за пояс вышел из-за стойки. – Какими судьбами, капитан?

Несмотря на радостную улыбку, серые глаза смотрели настороженно. Этьен крепко пожал протянутую руку.

– Да вот шел мимо… – он повел плечом.

– Выведываешь?

– Собираю информацию, – полисмаг не стал лукавить. – Дело о найденных телах женщин. Наверное, слышал?

– Здесь только и говорят что об этом!

– И что говорят?

Бармен расхохотался:

– Ты все тот же! Не гнушаешься сделать работу чужими руками!

– Скорее ушами. И к тому же, что зря время терять?

Собеседник покачал головой:

– Нет, Тьен! Здесь я тебе не помощник! Придется самому!

– Жаль, – полисмаг демонстративно вздохнул. – Ну хоть пива нальешь?

– Если заплатишь, отчего нет?

Этьен кивнул и достал из портмоне несколько монет, и бросил на стойку. Бармен неторопливо снял с крючка кружку и отвернул кран. Полисмаг рассеянно наблюдал, как янтарный напиток пузырится за мгновенно запотевшим стеклом.

– Так, так, Этьен Богарне? Какими судьбами? – раздалось за плечом. Он обернулся:

– Лионель де Гра? Какая неожиданная встреча!

– Разве? – невысокий темноволосый мужчина присел и сделал знак бармену. Дождался, пока тот придвинет ему кружку, увенчанную пышной шапкой пены, и обратился к полисмагу:

– Что вынюхиваешь?

Этьен скривился. Бывший однокурсник Лионель де Гра никогда не отличался деликатностью. Его старший брат Гаспар де Гра был начальником центрального полисмагического участка, и еще во время учебы Лионелю все сходило с рук.

Несколько раз братья пытались подставить Этьена, спихнув на него вину за содеянное Лионелем, но каждый раз у того было железное алиби. На старших курсах их пути разошлись. Этьен перевелся на факультет боевых магов. Погруженный в учебу, он слышал, что у Лионеля были какие-то проблемы с оплатой обучения, которые, судя по тому, что он все-таки получил диплом и остался преподавать, благополучно разрешились.

Судя по всему, младший де Гра достиг определенных успехов. Об этом свидетельствовал и костюм, сшитый явно на заказ, и золотая цепочка от часов, гордо поблескивавшая на атласной ткани жилета.

– Ты не меняешься, Лионель! Почему бы тебе не предположить, что я просто пью пиво?

– Ради этого ты не стал бы идти через мост. На острове полно баров.

– И полисмагов из управления, – Этьен отпил из кружки.

– Устал от работы? – Лионель вскинул густые брови. – Ни за что не поверю!

Полисмаг пожал плечами:

– Твое здоровье!

Они помолчали. Лионель не выдержал первым.

– Что известно про тело девушки?

Этьен как раз делал глоток. От неожиданности он поперхнулся, пена брызнул во все стороны:

– Полагаешь, я буду делиться подробностями?

– Почему бы и нет?

– А ты бы поделился?

– С тобой? – Лионель натянуто рассмеялся.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Просто так, – бывший соученик покрутил в руках кружку, наблюдая, как на полированной столешнице появляются полукруглые водяные следы. – Бросил бы ты это дело, Богарне.

– С чего вдруг?

– Ты же знаешь, что такое Суар де Бонне. Здесь все повязаны и чужакам ничего не скажут.

– Знаю, – кивнул Этьен. – Но девушка погибла.

– Она не одна. Паризьенна – город соблазнов. Девушки приезжают сюда за счастливой жизнью и часто гибнут… или оказываются в борделях! – Лионель

пристально посмотрел на собеседника. Капитан Богарне криво усмехнулся:

– Намекаешь на моих родственников?

– По-моему, говорю прямым текстом. Брось это дело, Богарне. Гаспар уже навел справки, о девке никто ничего не знает.

– Полагаешь, вмешательство твоего брата – повод ничего не делать?

– Полагаю, это повод потратить свою энергию на более продуктивные дела, – Лионель помолчал, давая собеседнику обдумать услышанное. – Что тебе до очередной шлюхи, Богарне?

– С чего ты взял, что она была шлюхой? – насторожился полисмаг.

– А кто еще? – собеседник натянуто рассмеялся. – Да и подкинули ее не просто так!

– То есть Ле Шовен замешан?

– При чем тут профессор? – Лионель от удивления чуть не выронил свою кружку.

– А кто еще? Все случилось на его лекции.

– Верно, и если ты вспомнишь, кто ассистирует старикану…

– Франсуаза д'Эгре, – кивнул полисмаг. – Но не думаю, что дочь графа замешана в подобном!

– Вижу и ты попал под ее чары? – Лионель хлебнул еще пива, его глаза лихорадочно блестели. – Все вокруг тают от ангельской внешности, забывая о том, что перед ними некромант. Ты знаешь, что Ле Шовен дал ей профессорский доступ даже туда, куда нам с тобой запрещено совать свой нос?

– Ну, положим, туда у меня тоже есть доступ, – мрачно отозвался Этьен.

– Да ладно, кто пустит полисмага в темный отдел архива? А ее пускают!

– И как это связано с телом, обнаруженным на лекции?

– Она заметает следы, – Лионель одним глотком опустошил кружку и с размаху поставил ее на стойку. – Ты ведь сразу решил, что она непричастна, верно? Эй, налей еще!

Последнее адресовалось бармену. Он хмуро кивнул. Вторая кружка, родная сестра первой, возникла перед преподавателем. Лионель отхлебнул и вдруг замахал рукой:

– Жан-Жак! Иди сюда!

– Ли? – ассистент декана подошел и уставился на полисмага.

– Ты же помнишь Этьена Богарне?

– Разумеется, помнит, – кивнул полисмаг, внимательно рассматривая подошедшего. Показалось, что на лице верзилы мелькнул испуг. Впрочем, Жан-Жак сразу же обрел невозмутимость.

– Да. Простите, капитан, не успел зайти к вам сегодня.

– Еще не вечер, – миролюбиво отозвался капитан Богарне.

– Но вы уже ушли, – Жан-Жак упорно не переходил на «ты», желая подчеркнуть, что у него мало общего с полисмагом.

– Я могу и вернуться… – Этьен поставил на стойку пустую кружку и качнул головой, заметив вопросительный взгляд бармена. – Спасибо, не надо. Так как, пройдемся в управление?

– А у меня есть выбор? – огрызнулся Жан-Жак.

– Можете дать показания здесь, – полисмаг демонстративно осмотрелся и указал на столик в дальнем углу. – Скажем, вон там! Мсье де Гра, прошу нас простить.

Не дожидаясь ответа ни от одного из собеседников, полисмаг направился к облюбованному столику. Бармен неторопливо направился следом.

– Этьен, ты что творишь? – зашипел он. – У меня приличное заведение!

– Неужели? – капитан Богарне лениво взглянул на шумную компанию у дверей. Адепты, по всей видимости, старшекурсники, соревновались друг с другом, кто ловчее выпьет вина из ложбинки между грудями ярко накрашенной женщины. Почувствовав на себе взгляд, она подняла голову, улыбнулась, демонстрируя щербатый рот и весело помахала рукой.

– Тьен, и ты здесь? Присоединишься?

Предложение было встречено возмущенным ропотом адептов. Они заплатили за развлечение и не желали ни с кем делиться.

– Нет, – Этьен небрежно махнул в ответ.

– Ну ладно. Передавай привет своей ба!

– Обязательно. Надеюсь, мадам Бланш знает, что одна из ее «курочек» здесь? – лениво осведомился он у бармена. Тот заскрежетал зубами.

– Как был сыном шлюхи, Богарне, так им и остался…

– Связи всегда помогают, не мне тебе рассказывать… – Этьен прищурился. – Так, говоришь, у тебя приличное заведение?

– Да. И я с радостью помогу полисмагическому управлению, – эти слова дались с трудом.

– Я и не сомневался, – Этьен сел и поманил рукой Жан-Жака. Ассистент декана подошел, присел на указанный стул, подпер голову кулаками, враждебно смотря на полисмага. По всей видимости, Лионель успел вкратце рассказать коллеге

информацию, полученную от брата, поскольку Жан-Жак выглядел не таким испуганным.

– Как долго вы работаете ассистентом декана? – поинтересовался полисмаг.

– Год.

– До этого где учились?

– Зачем вы спрашиваете?

– Потому что я не одна из девочек мадам Бланш! И разговор у нас не о любви! – отчеканил капитан Богарне. Жан-Жак насупился.

– В Лоеже, – буркнул он.

– Факультет?

– Некромантии, конечно.

– И как вы оказались в Суар де Бонне? В Лоеже не нашлось места?

– Декан Копен пригласил меня. Он был в комиссии при защите дипломов. Сказал, что моя тема заинтересовала его, и предложил стать его ассистентом.

– Что за тема?

– Череп как вместилище анимы для призыва мертвых.

– И все? – хмыкнул Этьен. – Это же классика!

– Декану понравилось, как я подошел к написанию диплома.

– Ясно, – полисмаг вспомнил слухи, ходившие о Копене.

Слишком амбициозный декан нарочно подбирал ассистентов так, чтобы они не блистали умом. Жан-Жак не был исключением. Этьен побарабанил пальцами по столу, делая вид, что размышляет.

– Расскажите о событиях прошлой ночи, – предложил он. Судя по тому, как опустились плечи, Жан-Жак выдохнул.

– Да особо нечего рассказывать, – пробасил он. – Стандартный срез знаний прошлых лет в начале года. Мы прошли к церкви, отступили положенное расстояние…

– Почему именно святая Хель?

– Что?

– Святая Хельтруда. Почему вы выбрали именно это кладбище?

– Выбирал декан. В последний год шутники стали досаждать нам: то белку похоронят со всеми обрядами, то крысу… в мае вепрь был, вот декан Копен и решил… – Жан-Жак воспрял духом.

– Разрешение получал декан?

– Конечно. Он назвал кладбище, ну я и повел туда адептов.

– А мадемуазель д’Эгре?

– Что?

– Что она там делала?

– А она… она не говорила?

– Говорила, но мне хотелось бы знать ваше мнение, особенно в свете того, что мне недавно поведал мсье де Гра.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Старинная мера длины.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kablukova_ekaterina/sed-maya-runa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить